Дмитрий ЕМЕЦ
Муравьиный лабиринт
Школа ныряльщиков

ШНыр

Дмитрий Емец

Муравьиный лабиринт

«Емец Д. А.»

2013

Емец Д. А.

Муравьиный лабиринт / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2013 — (ШНыр)

Когда Зеленому Лабиринту, сердцу Школы Ныряльщиков, что-то угрожает, он непостижимо изменяется и выбирает себе хранителя. Отныне только этот страж способен отыскать проход к главному артефакту ШНыра. Гай, предводитель ведьмарей, нашел способ одержать окончательную победу над шнырами. Все, что нужно для осуществления его плана, – получить один из цветов Зеленого Лабиринта и золотую пчелу. Причем владелец должен отдать пчелу добровольно. Но самое главное: необходимо захватить хранителя, кем бы он ни был.Гавр находит уникальную живую закладку, у Рины и Гамова крупные неприятности, а у Макара появляется крайне опасная подруга, с которой, возможно, ему совсем не стоило бы связываться.

© Емец Д. А., 2013
© Емец Д. А., 2013

Содержание

Дорожные знаки разведчика 7
Дополнения к «Кодексу ШНыра» 9
Глава 1 10
Глава 2 17
Глава 3 26
Глава 4 34
Глава 5 40
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Дмитрий Емец
Муравьиный лабиринт

© Емец Д. А., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
4	4	4			Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищенная от гиел
					Осторожно! Магическое минирование
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Начало есть более чем половина всего.
Аристотель

Дополнения к «Кодексу ШНыра»

Степень служения определяется степенью бескорыстия, и больше, по сути, ничем.

Вещи не имеют собственника. Они принадлежат тому, кто ими пользуется, до того момента, пока он ими пользуется.

Саможаление лишает нас сил, и вместо того, чтобы бороться, мы становимся бесполезными.

Человек – это способность делать то, что не хочется. Если этой способности нет, нет и человека.

Устал ходить – беги. Устал бежать – лети.

На дне всякого удовольствия лежит жаба.

Сложнее всего любить. С остальным, худо-бедно, справиться можно.

Мало верить в Бога. Надо довериться Богу.

Жалость к себе убила больше людей, чем все войны в мире.

Только в любви есть последовательность. Во всем остальном ее нет.

Совлекись собственных хотений!

Всякая жизнь начинается с теории и заканчивается практикой.

Плыть надо не столько быстро, сколько упорно. Если плывешь с перерывами, никуда не продвигаешься, потому что течение жизни всегда встречное.

После первой любви к человеку или делу всегда следует охлаждение. Если в этот момент всякий раз бросать и пятиться назад, жизнь превратится в бег по замкнутому кругу.

Пока я зол и неблагодарен, мне ничего действительно важного доверить нельзя, потому что я буду только злее и неблагодарнее.

Во всякое начинание нужно вложить сердечную боль. Любое движение вперед возможно только через боль. Все, что мы не поливаем болью, перешагиванием через себя, не приносит плодов.

Нет ничего проще, чем всегда быть против. Легко критиковать и с чем-нибудь бороться. Гораздо труднее просто сидеть на одном месте и бороться с самим собой.

Все, что сделано не для себя, – делает человека сильнее. Все, что сделано для себя, делает человека слабее. Однако все, что сделано не для себя, на самом деле для себя. Парадокс.

Когда о человеке говорят много дурного, он нередко оказывается хорошим.

Когда тебе хочется кого-то ненавидеть, ты изыскиваешь любой повод. Даже самый ничтожный. Но дело тут не в поводе, а в том, что тебе хочется ненавидеть.

Мы не боремся со злом, потому что нам кажется, что так оно нас не тронет. А оно все равно тронет, потому что оно зло.

Нельзя показывать слабость не потому, что ее не видят. Просто когда ее показываешь, она усиливается.

Не надо пытаться казаться лучше, чем ты есть. Но и хуже не надо. Надо сразу показаться собой. Другие два варианта заведомо провальные и только пожирают время, плодя тупиковые комбинации.

Как растение вбирает свет, так и человек вбирает любовь.

Глава 1
Донна Ринья Дель Пегги

Я никого, кроме себя, не люблю, и никого, кроме себя, не жалею. Мне никто всерьез не интересен, и ничего я так сильно не желаю, как чтобы мне было хорошо. Это вытекает из моих поступков. До поры до времени они предсказуемы, но стоит мне нагрузить себя выше невидимой черты или ограничить, или обмануться в каких-то надеждах, моментально начинает переть грязь, скрытая где-то внутри. Если я иногда притворяюсь любящим, это вытекает либо из хорошего настроения, либо из каких-то соображений, либо из желания комфорта, либо в надежде получить что-то. Истинной же любви, т. е. безусловной, постоянной и не требующей ничего взамен, у меня нет ни к кому.
Из дневника невернувшегося шныра

Подушка, кувыркаясь, врезалась в стену и жалобно пустила перо.

– Если ты не положишь свой планшет – я тебя убью! Ненавижу, когда на меня все время смотрят через планшет! – заорала Фреда и урча, как голодный вурдалак, вернулась к круглому пластиковому столику. Он был завален черновиками анкет и тестов, которые Фреда скачивала с сайтов крупных европейских университетов. Эти тесты вечно переводились, трижды перепроверялись, заполнялись и отправлялись по одной Фреде ведомым адресам. Порой они исчезали с концами, а иногда возвращались в виде новых тестов или приглашений. И снова Фреда что-то сканировала, отсылала, переводила и доказывала. Ее острое лицо становилось еще острее, а выпуклый лоб еще упрямее.

Каждая неделя начиналась с того, что Фреда собиралась уходить из ШНыра, и заканчивалась тем, что она, из величайшей милости, оставалась еще на неделю.

Лара лежала на спине и критически разглядывала ногти. В комнате до рези в глазах пахло жидкостью для снятия лака.

– Можно неприличную просьбу? – пропела она.

– Ну… – откликнулась Рина. Она знала, что, если не отзовется, Лара будет повторять про «неприличную просьбу» до бесконечности, на всяком новом витке добавляя в голос жалобности.

– Спасибочки! Напомни мне завтра, чтобы я напомнила Кириллу, чтобы он не забыл сказать Улу, чтобы тот напомнил Максу, чтобы тот починил мне шнеппер!

Рина оторвалась от ноутбука. Вчера вечером в полутемной пегасне она случайно погладила ослика Фантома, приняв его за жеребенка, и теперь ее прошибло на творчество.

– А чего с твоим шнеппером? – спросила она.

– Зефиром забило.

У Рины дыхание перехватило от такого надругательства над оружием.

– Зефиром?

– Я, конечно, помыла, что могла, но там, где всякие детальки, все равно застряло, – прощебетала Лара.

– Помыла? Чем?

– Водой, конечно. Подсунула под кран ну и… А, да! Пыталась жидкое мыло ватной палочкой пропихнуть, но получилось еще хуже.

– Ты понимаешь, что шнеппер – это…

– Да-да, – торопливо ответила Лара. – Шнеппер для шныра – это как *нерпь*, пчела, ну и все такое. Поэтому и передаю по цепочке, чтобы Макс меня не убил.

Рина задумалась.

– Какая разница по цепочке или нет? Макс все равно узнает, чей это шнеппер! Он их с закрытыми глазами отличит.

Лара перестала полировать ногти.

– Ты не понимаешь, мать моя женщина. Тут психология! – сказала она снисходительно.

Рина с минуту поискала психологию, но нашла одну дурь. Если суешь зефир в один карман со шнеппером, хотя бы следи, чтобы он был во что-то завернут. И вообще она никогда не подозревала, что Лара знает такое слово, как «психология». Хотя почему не знает? В женских журналах, которые она глотает пачками, это слово любят и лелеют. Типа вы с мужем не потому грызетесь, что оба жуткие эгоисты и не умеете терпеть несовершенств друг друга, а просто у вас биоритмы не совпадают, и вообще Овны с Тельцами не уживаются.

– А почему с Кирилла-то начинать цепочку? Он же… – осторожно начала Рина.

– Да-да-да, – закивала Лара. – … трепло страшное! Не удержится и все переврет, сделает меня совсем идиоткой. Улу не нравится, когда из кого-то идиота делают! Он будет меня выгораживать, и Макс вообще не поймет, кто виноват. То есть он, конечно, сообразит, что шнеппер мой, но кто зефира натолкал – не разберется.

Рина посмотрела на Лару с удивлением. План был блестящий. Даже не верилось, что он мог родиться в голове, где все место занимали зубы, корни волос и нервы, управляющие громадными глазами.

– Так ты напомнишь мне, чтобы я напомнила? – озабоченно спросила Лара.

– Да не вопрос. Только ты мне напомни, когда я должна напомнить! – сказала Рина и начала быстро печатать.

Ослячье вдохновение бурлило в ней.

«Маркиз дю Грац выключил бензопилу.
– Вообще-то я планировал дуэль на шпагах! – сказал он.
В зубах наемного убийцы все еще был зажат кинжал».

Рина перечитала и осталась недовольна. Дешевая брутальность, самоповтор. Забавно, конечно, но хочется большего. Она все стерла и начала печатать другое:

«О, у меня все прекрасно! Вокруг одни друзья, ведут со мной культурные разговоры! Тебя вот тоже в гости зовут, – бодро сказал барон де Лбуш. – Кстати, хотел тебя попросить: когда поедешь, захватишь том Чехова?

– Какой именно?

– Какой хочешь. Но лучше третий. Мой любимый.

Донна Ринья дель Пегги отыскала собрание сочинений Чехова, взяла третий том и сунула под мышку. Пошла было к лифту, но остановилась и ради любопытства открыла Чехова. Внутри книга была прорезана. Там лежали новенькая «беретта» с рукояткой, инструктированной слоновой костью, две запасных обоймы и осколочная граната.

Донья Ринья дель Пегги усмехнулась. Вечер обещал быть интересным».

Рина допечатала до точки, мельком просмотрела и нахмурилась. Проклятый барон де Лбуш возникал в ее прозе все чаще. Он почти вытеснил маркиза дю Граца, которому все чаще доставались невзрачные роли второго плана. Маркизу дю Грацу это не нравилось. Он злился, ревновал, лез в драку и однажды уже получил по затылку зонтом с загнутой ручкой.

Рина захлопнула ноутбук, посмотрела на часы и стала быстро одеваться – вдруг мучительно захотелось увидеть Мамасю. Ей важно было доказать себе, что она ее по-прежнему любит. Не абстрактно, как негров в Африке, а просто любит и все.

– Ты куда? – спросила Фреда, отрываясь от анкет.

– В город. На электричку еще успеваю.

– А Кавалерии что сказать?

– Ничего. Завтра утром вернусь, она и не заметит! Если, конечно, никто не накапает.

Фреда сложила руки подзорной трубой и сквозь подзорную трубу посмотрела на Рину как на нечто мизерное, но довольно любопытное.

– Обратно, конечно, телепортируешь? Да мне, в общем, наплевать. Залипнешь в стене и ладно. Как по-немецки «работоспособность»? Leistungsfahigkeit? Простое такое коротенькое слово.

Рина выскользнула в коридор. Там бегал Витяра, спрашивал у каждого: «Позвольте вас надуть?» и, получив положительный ответ, дул в ухо. Рина, чтобы не оставаться в долгу, хотела ответить тем же, но Витяра увернулся, крикнул: «От ты, дуся!» и убежал с громкими воплями.

Он вечно отчебучивал что-нибудь такое. Пытался сесть на диету, состоящую из одной соли, выводил угри пятновыводителем, мастерил из пластиковой трубы базуку, намереваясь пугнуть ею ведьмариков, или собирался вырезать одежду из цветной бумаги и пройти так по городу.

Рина любила Витяру. Он был не человек, а ходячая совесть ШНыра. Романтик, благородный мечтатель. С тонкими слабыми руками, нелепый, он один мог выйти на пять человек, если считал, что кого-то обижают. Его, конечно, били, но он все равно оставался победителем. А ведь даже не умел правильно сжимать кулаки. Сжимал их, не убирая большой палец, и он так и торчал вперед, дожидаясь, пока вылетит сустав.

Во всем ШНыре только Витяра способен был ляпнуть про себя: «У меня сейчас просто-навсего грустный момент в жизни. Письма мне пишут только спамовые боты, а я им подробно отвечаю».

Даже Афанасий, гибкий в своем уклонении от всякой нетворческой работы, говорил про Витяру:

– Я всегда под ним чищусь.

– Это как? – спрашивали у него.

– Ну вот, он какие-то вопросы задает наивные, например: «Ты пойдешь гнилые доски выбрасывать?» И так искренно спрашивает, без всякого подтекста, с такой уверенностью в моем благородстве, что я непременно это сделаю, что я понимаю, ведь действительно не собирался ходить.

Витяра не возвращался, надувая, как видно, уже кого-то другого, и Рина вышла во двор. Там умирал последний день февраля. Или передпоследний. Февраль умирал, но не сдавался, явно собираясь натянуть одеяло зимы до самого апреля.

Рина вышла из ШНыра по-скромному, как пай-девочка, через асфальтовую площадку, на которой стояла заметенная, похожая на громадный сугроб машина Кузепыча. Временами Кузепыч ее откапывал, сидел внутри и гордился наличием автомобиля. Микроавтобусом он, впрочем, временами пользовался, когда удавалось договориться с трактором и дорогу до ШНыра расчищали.

Когда Рина покидала ШНыр, ветра вообще не было. Она спокойно шла и добралась уже до леса, как вдруг увидела, что огромные железные ворота, стоявшие в поле невесть зачем и невесть куда закрывающие проход, надуваются, точно парус, и тонко, жалобно гудят. Рина остановилась в полном недоумении. Что это с ними? Взбесились? Нет, это все же был ветер, но странный, медлительный и могучий, как проснувшийся богатырь. Он дул не порывами. И вообще, кажется, не умел дуть. Это были какие-то неуловимые, огромной силы нажатия, идущие по всему фронту.

Внезапно ворота замолчали и – тишина, снова тишина. Снежинки не шелохнется. Успокоившаяся Рина прошла еще метров двести и заметила, как сосновый лес стонет, скрипит и клонится вершинами к земле. Низко клонится, как те деревья, которыми древляне разорвали князя Игоря.

И опять тишина. Она сделала еще несколько шагов, сомневаясь уже, надо ли куда-то идти. Лес продолжал стонать и гнуться сам по себе. А потом снежное поле вдруг всколыхнулось, как огромная волна, вздыбилось на десяток метров и его понесло на Копытово. Где-то внизу этого клубящегося потока, пригнувшись, бежала Рина, потерявшая дорогу, ослепшая, оглохшая.

Раз десять падала, вскакивала, снова бежала. Пыталась вернуться к ШНыру, но поняла, что не знает, где ШНыр и есть ли он вообще. Наконец она перестала вскакивать и осталась на земле. Рина лежала и чувствовала, как ее медленно заносит снегом.

«Выкопаю себе пещеру! А что? Снежное убежище!» – подумала она и начала уже копать, как вдруг поняла, что копать-то, в общем, нечего. Снега самое большее выше колена, все остальное унеслось куда-то.

Рина осторожно встала. Ветра не было. Точнее, того, первого, не было. Он ушел громить Копытово, ломать там деревья, отрывать жесть от крыш и опрокидывать заборы. На смену этому могучему дебоширу явился какой-то ветерок-шестерка, писклявый, слабый, но приставучий. Он и поднимал метель. Казалось, у сугробов вырастает снежная борода. Борода эта трепетала, простираясь в сторону, противоположную строениям, к дороге.

Рина из упрямства добралась-таки до станции. На полдороге ветерок-шестерка умчался куда-то, в небе снова что-то поменялось, и повалил снег. Падал он, казалось, во всех направлениях – снизу вверх, сверху вниз и еще откуда-нибудь. Видимость исчезла. Даже собственная вытянутая рука казалась ей мифом. Изредка из снежной пелены выныривало нечто вроде дерева, или мокрого забора, или гаража, но сразу скрывалось. Дорога, и без того почти заметенная, исчезла окончательно. Опасаясь заблудиться, Рина свернула к шоссе. Она уже сомневалась, ходят ли электрички.

На станционной площади было весело. Подмосквичи, недавно ноющие: «Зимы бы нам, бедным! Зимы!», слепо тыкались в метели. Машины всматривались фарами в белое месиво, но видели только самих себя и стремительно бегущий снег и от злости останавливались. Где-то между торговыми павильонами метался, ворча мотором, маленький красный трактор на крепких колесах.

Таджик в рыжей дорожной жилетке упорно гнал куда-то на велосипеде «Кама». Снег мешал маленьким колесам. Велосипедист, по всем законам, должен был бы свалиться, но он лихо выкручивал руль и несмотря ни на что ехал. Руль был обмотан цепью, она звякала и стучала замком. Вид у таджика был уверенный и даже лихой. Рина остановилась в удивлении. Она почему-то была убеждена, что таджики – народ вечного лета. При виде снега они должны долго охать, бросаться за фотоаппаратами, а затем падать в благоговейные обмороки.

Электричка ходила, циклопическим глазом прожектора высверливая метель. Под влиянием тепла все живое в вагонах спало, а неживое, напротив, выглядело ожившим. Хлопал открывшийся щиток кондиционера. По проходу каталась пустая бутылка. Рина ехала в электричке, смотрела в окно, в котором ничего не отражалось, кроме ее лица, и думала про «Даму с собачкой» Чехова. Что было бы с дамой в 1918 году? Ведь она где-то 1877 года рождения, эта дама, если немного включить математику. Значит, в 1918-м ей 41 год. Не так уж и много. Шпиц, конечно, околел. Дама завела себе псину попроще. С ней вместе она ходит отоваривать продуктовые карточки. Гурову – шестьдесят с кепкой. Он остался в России. Большевики отобрали у него оба его дома, он поседел и сдал. У него трясутся щеки. Чтобы получать дополнительную крупу, он работает библиотекарем при клубе технической молодежи, но все так же целует дамам ручки. Жена Гурова уехала в Париж. Она одна, по сути, не изменилась. Все так же в письмах зовет мужа Димитрием и посещает интеллектуальные спектакли…

К Мамасе Рина приехала в начале второго. Артурыча как всегда не было. Это Рина поняла еще на улице, не увидев на привычном месте его автобуса. Должно быть, Артурыч снова

укатил за ватными дисками, детскими кремами или краской для волос. Увидев Рину, Мамася привалилась к стене.

– Ты с ума сошла! Ты знаешь, который час?

Та посмотрела на телефон.

– Уже знаю. А что? Метро еще ходило.

– А маньяки?

– Все были заняты. Весна на носу. Работы невпроворот.

– Все равно ты больная, – грустно сказала Мамася и пальцем наметила на щеке место для поцелуя. Этим она сильно отличалась от Рины, которая, под влиянием Гавра, любила целовать во все попало: попадется глаз – так в глаз, попадется нос – так в нос. Хотя, может, потому и отличалась, что знала за Риной эту привычку.

Они пошли на кухню, в которой – по звукам – кто-то был. Кто-то оказался Элей. Рину Эля узнала, но отнеслась к ней без интереса, точно они расстались пять минут назад. Взглянула на нее и снова занялась игрушками.

– Она весь день спала, – сказала Мамася, точно извиняясь за свою непутевость. – И я, признаться, тоже. А теперь вот чай пьем… Присоединяйся!

Рина присоединилась. Кухня была все та же, но уже какая-то неприрученная. Чашки, цветы на окнах, шкафчики – все это успело от нее отвыкнуть и посматривало теперь с подозрением. Наша ты, не наша или просто мимопробегающая какая-то.

Мамася бродила от плиты к холодильнику и хлопала шкафчиками, отыскивая печенье, или сушки, или зефир – хотя бы что-то. Манася и чай всегда были неразрывны. Она могла пить его с лимоном – без лимона, с сахаром – без сахара, с молоком – без молока, с конфетами – без конфет и даже иногда чай без чая. Тогда чаем становилась банка из-под варенья, залитая горячей водой.

На столе лежала растрепанная, с кучей редакторских зигзагов и восклицательных знаков рукопись, в которой героиня бежала топиться в пруду, не забыв перед этим накраситься и привести в порядок ногти. В этом месте автор прерывал повествование и помещал длинное – страницы на три – описание природы.

– Здесь провис, не хватает динамики. Но если убрать описание, не будет хватать вообще ничего, – сказала Мамася.

– А ты напиши, что в камышах ее ждет отвергнутый поклонник, покусавший вчера вечером вампира, который от этого неожиданно выздоровел, – посоветовала Рина.

Мамася засмеялась. По ее мнению, книга бы от этого только выиграла.

– У тебя что-то случилось? Чего ты приехала?

– Да так… На месте не сидится. Осла погладила! – сказала Рина.

Мамася недоуменно подняла брови. Она не подозревала, что в секретной школе есть ослы.

– Ослы везде есть, – веско произнесла Рина.

Мамася кивнула, послушно населяя школу ослами. Потом стала рассказывать об Эле. Успехи есть, но стремительными их никак не назвать. Иногда она говорит, иногда нет. Иногда интересуется миром, а иногда не интересуется. На занятия они ходили, но потом бросили. Там все было слишком напыщенно. Румяные тетки средних лет авторитарными голосами объясняли, чем кошечка отличается от собачки и какие зверушки, кроме льва, живут в Африке. Мамасю считали полной идиоткой на основании того, что она не смогла ответить, что общего между пони и вертолетом. Оказывается, и то и другое – средства передвижения.

– Надо было спросить у них, что общего между Достоевским и Гоголем! Хотя они не смутились бы! Такие люди всегда все знают. Они ответили бы, что они оба гуманоиды, – сказала Мамася звенящим голосом. Обида на психологических теток жила в ней до сих пор.

Рина слушала Мамасю, смотрела на нее, и на языке вертелся вопрос, который она так и не решилась задать. Однако Мамася, точно угадав его, заговорила о Долбушине сама.

– Он прислал для нее паспорт и свидетельство о рождении. В свидетельстве написано, что она моя дочь. Но ведь это же не настоящие документы! – сказала Мамася, с ужасом округляя глаза.

– Кошмар! – добавила Рина. – А печати есть?

– Сколько угодно.

– Так что тебе еще надо? Если этого мало, пробей потихоньку по базе данных. Я почти уверена, что и там у него все схвачено, – сказала Рина.

Мамася покосилась на нее с подозрением. Заметно было, что ситуация с документами беспокоит ее всерьез.

– А недавно он прислал мне стиральную машину! Это был что, вежливый намек, что я не стираю? А что, позвольте его спросить, стоит у нас в ванной? – возмутилась Мамася.

– Она же не работает, – неосторожно ляпнула Рина.

На лице у Мамаси возникло скорбное выражение человека, которого только что предали.

– Нет уж! Она прекрасно работает! Закрывается неплотно, и шланги немного прогнили. Но у нее замечательный двигатель! Надежный! Прекрасный! Поистине вечный! – с негодованием произнесла Мамася.

Рина тихо хрюкнула. Стараясь не смотреть на кипящую Мамасю, опустила в чай печенье. Оно обломилось и осталось плавать в чашке. Рина стала выуживать его двумя пальцами. Печение вело себя как призрак. Глазами увидеть было можно, а пальцами взять нереально: они проходили насквозь.

– А новая машинка где? – спросила Рина, отчаявшись достать печенье.

Мамася небрежно, как королева в изгнании, ткнула пальцем в темный коридор.

– Там!

Рина вспомнила, что по дороге на кухню видела в коридоре нечто гороподобное. В их квартире всякий громоздкий предмет, стоявший не на своем месте (стул, стол, гладильная доска, даже велосипед), мгновенно превращался в перехватывающую парковку для свитеров, юбок, колготок. Причем они с Мамасей обвиняли в происходящем не себя, не вещи, а именно этот не на место выползший предмет.

Эле надоело рассматривать картинки. Она взялась за шнур электрического чайника и…

– Не-е-е-ет! – заорала Мамася, в прыжке мангуста отшвыривая уже падающий чайник к холодильнику, и стала вопить на Элю за то, что испугалась за нее. Эля, до этого момента вообще не понимавшая, в чем дело, тоже начала орать. Добившись от Эли слез, Мамася успокоилась и сочла педагогическую программу исчерпанной.

– Ну все! – сказала она строго. – Я тружусь! Мне надо добить пятьдесят страниц и завтра сдаваться!

Пятьдесят страниц Мамася добивала с прищуром наемного убийцы, вычеркивая порой целые предложения, в содержании которых ей сложно было разобраться.

– Надеюсь, автор к тебе не придет и не положит руки на шею, – сказала Рина.

Мамася отчего-то испугалась и стала стучать по полировке.

– Я тоже надеюсь, что не придет. Он недавно умер… Все! Тихо!

Рина взяла за руку всхлипывающую Элю, отвела ее в другую комнату и уложила.

– Не буду пать! – сказала та.

– Это ты правильно! Не спи, конечно! – одобрила Рина.

Эля счастливо вздохнула, радуясь, что настояла на своем, и мгновенно уснула.

Рина вернулась, забралась с ногами в кресло и стала смотреть на Мамасю. Изредка та отрывалась от рукописи и заглядывала в свой смартфон, нетерпеливо дергая пальцем ползунок разблокировки. Проверка электронной почты – форма психоза. Ясно же, что каждые пять

минут почта не приходит. Да и не ждешь особенно ни от кого писем. Просто сознание жаждет надежды и перемены, а проверка почты для этого самый подходящий повод.

Мамася ощутила ее испытующий взгляд и подняла голову. Глаза у нее были красные, уставшие.

– У тебя по волосам упрямки ползают, – сказала Мамася.

– А? Какие? – не расслышав, переспросила Рина.

– Полосатые.

Рина вяло улыбнулась. На нее вдруг навалилась тяжелая ночная тоска, которая часто следует за перевозбуждением. Ослик Фантом погас в ее душе. Она смотрела на Мамасю, и ей было больно. Она ощущала… сама не знала что. Или знала, но не хотела озвучивать, потому что, выразив что-либо словами, получаешь противный клейкий ярлычок, который затем руководит твоими мыслями, ощущениями и поступками. Слова опасны. Пока что-либо не сказано, оно еще не совсем существует и может легко рассосаться, исчезнуть, оказаться мифом, случайной тенью от пролетевшего облака. Высказанное же мгновенно начинает существовать.

По сути, сейчас Рина развенчивала для себя Мамасю. Начинала видеть ее слабости и границы, которые есть у каждого, но которых почему-то не должно быть у тех, кого любишь. Горькая такая правдивая любовь: когда любишь человека и видишь, что он несовершенен, а все равно продолжаешь любить, потому что, потеряв это чувство, разом потеряешь все.

– Я тебя люблю, а остальное неважно, – зачем-то ляпнула Рина.

Мамася тревожно шевельнула бровями.

– Остальное тоже безусловно важно, – сказала она, находя нужным спорить. – Например, то, как ты одеваешься! Женщина должна одеваться тепло и красиво. Именно в такой последовательности. Вначале тепло, а затем красиво. Но ни в коем случае не наоборот!

– В свитер ниже попы? – рассеянно спросила Рина.

– Он греет поясницу!

– Ага! А в пояснице помещаются будущие дети и другие внутренние органы!

Мамася поморщилась.

– Ты говоришь ерунду!

– Это ерунда говорит меня. Но ты не обращай внимания! Мы с ней прекрасно ладим, – сказала Рина, и ей вдруг стало хорошо.

Просто хорошо и все. Сомнения отступили. Зачем усложнять то, что замечательно само по себе? Человек – это то, что он видит. Хороший человек видит во всем хорошее. Здесь же, у Мамаси, ей было спокойно.

Дом – место, где тебя любят. Включенная на кухне лампа, которую видно с улицы темным сырым вечером. Стол с супом и всякими булками. Кипящий чайник. Но все же главное: просто место, где тебя любят, и больше, по сути, ничего.

Рина обняла Мамасю, и они обе сладко заплакали непонятно чему. В соседней комнате проснулась Эля, вспомнившая о своем обещании не спать. Она пришла на кухню, пошаталась в дверях, посмотрела на них некоторое время, неуверенно хихикнула, точно примериваясь, та ли это эмоция, или нужно поискать другую, а потом подползла на четвереньках, обняла ногу Мамаси и тоже заплакала.

Глава 2
Хранитель лабиринта

Когда я хочу работать, мне все мешают. Но когда я сажусь работать, а мне никто не мешает, я немедленно все бросаю и бегу узнавать, почему мне никто не мешает, и искать тех, кто будет мне мешать.
Рина

– Тут муха летает. В холоде таком! – пожаловалась Лара.

– Она живая? – спросила Фреда.

– Не знаю. Наверно.

Лара даже не поняла тупости вопроса. Ее можно было спрашивать о чем угодно, например какого цвета зеленые огурцы, и она всегда серьезно отвечала.

– Так еще страшнее, если неживая муха летает, – влезла Рина.

Фреда засмеялась. Мерин Бинт чего-то испугался, шарахнулся и едва не размазал Кузепыча по стене.

– Якорный пень! Кто бросил здесь эту синюю тряпку? – завопил Кузепыч.

– Это не синяя тряпка! Это моя голубая кофта! – вознегодовала Алиса.

– Во! Кофта! – Кузепыч назидательно поднял палец. – Раз я не понимаю – с мерина чего взять? Это ж лошадь! Она что непонятное видит и психует!

– Но вы же кофты, надеюсь, не боитесь? – мстительно щурясь, спросила Алиса.

– Откуда ты знаешь, что не боюсь? Чего ты повод под ноги бросила? Не терпится новый покупать? У тебя кто папа – арабский шейх?

Алиса еще в школе выяснила, что, когда называешь папину работу, люди удивленно замолкают. И это не было ложью. Древнегреческие босоногие горшечники, изготавливающие свои вазы весело и на глаз, многому могли бы научиться у ее папы в плане строгого соблюдения технологий, но почему-то не они подделывали папины вазы, а он их. Кроме того, ее спокойный, внешне не приспособленный к жизни папа умел удачно продавать вазы в Интернете.

Кузепыч удивляться не стал, хотя слышал об этом впервые. К информации отнесся поделовому.

– Что ж ты раньше молчала? Пусть сделает мне двадцать горшков по полтора литра и одну здоровенную чашу, я потом скажу насколько. А мы ему за это лопату выдадим и позволим накопать у нас в овраге сколько угодны отличной глины, – с энтузиазмом пообещал он.

Овраг был за территорией ШНыра, у ручья. Считалось, что глина там хорошая, хотя папе в этом плане угодить было вообще невозможно. Он выписывал ее чуть ли не из Египта и долго еще с чем-то смешивал, разбивая комки миксером. Алиса понадеялась, что папа ее не убьет. Хотя он мирный. Максимум пожалуется маме, а та выведет на принтере правила пользования папами и развесит повсюду, куда сможет дотянуться.

– А если бы мой папа был пулеметчик? Вы бы его тоже запрягли? – поинтересовалась она.

– А то как же! Послали бы на съезд ведьмарей. Нет такой профессии, какая не сгодилась бы в ШНыре! – обнадежил ее Кузепыч и удалился крабьей походкой, по дороге подбирая валявшиеся в проходе веревочки и пряча их в карман. С каждой веревочкой настроение у него улучшалось.

Когда Алиса убрала кофту, Бинт перестал пугаться и позволил вывести себя из пегасни.

– Дебил! Чтобы тебя на консервы забрали! – напутствовала его Алиса.

– Спокуха, чудо былиин! Слезами деду не поможешь, – подмигнув, сказал Ул.

Алиса громко фыркнула, да так, что ей отозвались сразу три пега и одна Фреда. Это было так неожиданно, что многие расхохотались.

– Прикольно, – сказал Сашка.

Алису бросило в краску. Как многие обидчивые люди, она плохо отличала, когда смеются над ней, а когда над смешной ситуацией, в которую она вовлечена.

– Ах так! Ну и прекрасно! Всем весело, и это замечательно. Замечательно, когда всем весело! – сказала она стершимся от негодования голосом.

Улыбки тех, кто окружал Алису, разом выцвели. Алиса была мастером истерик всех видов – тихих и громких. Ну с громкими понятно, а суть тихой истерики состояла в том, что она говорила спокойным ровным голосом и говорила будто бы правильные вещи, но почему-то через тридцать секунд всем хотелось разорвать ее в клочья.

– Я, пожалуй, пойду вынесу мусор, – Сашка наклонился, чтобы взять ведро, но в его ручку уже вцепился Кирюша.

– Нет, я вынесу! Я! – крикнул он.

Ул, почесывая нос, наблюдал, как два юных шныра с сопением выдирают друг у друга ведро.

– Чистоплотность – это, чудо былиин, великая вещь! Самыми богатыми людьми через шестьдесят лет будут те, кому принадлежат помойки. Куча ресурсов. Радуйся – не хочу, – сказал он одобрительно.

– Придурки! – сказала Алиса.

Ей стало так себя жалко, что ее чуть не стошнило. Она швырнула лопату и, на бегу наматывая на шею шарф, выскочила из пегасни.

– Пошла травиться фосфорными спичками, – сказала Фреда.

– Обиды в тактически верный момент обидами не считаются. Ей конюшню неохота убирать. Вот увидишь: к ужину всех великодушно простит, – отозвался Кирюша. Во всем, что касалось психологических форм отлынивания, он был исключительный спец.

В отвратительном настроении Алиса шла в корпус, как вдруг ей пришло в голову, что в корпусе она обязательно натолкнется на Суповну. А для Суповны любой незанятый шныр шатается без дела, и его надо немедленно припрячь.

Не доходя до корпуса, Алиса резко развернулась и отправилась в Зеленый Лабиринт. Лабиринт был одним из двух мест, которые она любила. Второе – Копытовский морг, он же паталого-анатомическое отделение при местной больнице. У морга была интересная система вентиляции – две блестящие жестяные трубы, а над ними круглые вертушечки, похожие на высверленный земной шар, сложенный из многих лопастей. Когда ветер дул, вертушка вращалась и во все стороны разбрызгивалось солнце.

В Зеленый Лабиринт Алиса далеко не забредала, ей хватало окраин, откуда еще видна была четкая линия снега, разграничивающая зиму и лето. Тут она сворачивалась, как кошка, подтягивала к груди колени и лежала на боку, ни о чем не думая. Просто лежала, вдыхая запах самшита и сдувая с носа мелких мошек.

Вот и сегодня, попетляв в лабиринте, Алиса отыскала уютный закуток, легла на теплую землю и, подложив под голову кофту, стала мысленно составлять список сволочей, которые ее окружают. Добавляя в него кого-нибудь новенького, она всякий раз испытывала особое удовольствие. Чем больше вокруг негодяев, тем больше поводов для страданий. Чем больше поводов для страданий, тем ты несчастнее. Чем ты несчастнее, тем больше в этом виноватых, опять же идиотов и негодяев. А дальше по кругу. См. пункт 1.

В груди Алисы стучало малосильное «Оставьте все меня в покое!», парализующее всю волю, интересы и желания, кроме одного – забиться в угол. Она лежала, разглядывая узловатые стволы самшита, а вокруг цветными билетами на поезд счастья порхали бабочки. Некоторые садились на лицо. Она морщилась и сдувала их. Бабочки мешали ощутить себя несчастной

в той мере, как ей того хотелось. Алиса отвернулась, пытаясь придавить щекой очередную, запутавшуюся в волосах бабочку, и чудом не вскрикнула – в полутора метрах появились серые ботинки, медленно направлявшиеся в ее сторону. Двигались они зизгагом, то срастаясь в букву Л, то размыкаясь. На голову Алисе сыпались листья и побеги. Она сообразила, что Кавалерия подстригает самшит, шиповник и акацию с другой стороны лабиринтовой стенки. Выползать сейчас было опасно, – могла услышать. И Алиса сделала самое мудрое, что могла в этой ситуации, а именно не сделала ровным счетом ничего. Она лежала и, затаив дыхание, с легким превосходством – и, разумеется, с презрением – созерцала ботинки Кавалерии. Внезапно совсем близко кто-то кашлянул так гулко, словно крикнул в бочку. Алиса подскочила от ужаса и ударилась лопатками о землю.

Секатор перестал щелкать.

– Меркурий? – окликнула Кавалерия.

Рядом с серыми ботинками возникли желтоватые, огромные, как корабли, валенки Меркурия Сергеича, полосками подшитые кожей, что придавало им тигриный окрас. Эти валенки были известны всему ШНыру. Витяра распускал слухи, что в них прорастают пшеница и овес. И они, кстати, действительно прорастали. Тепло, влага, а пшеницу и овес часто просыпали у кормушек.

Секатор несколько раз щелкнул. На нос Алисе упал отстриженный желтый цветок. Мелким дождем посыпались листья. Кавалерия и Меркурий стояли и молчали. Серые ботинки и тигровые валенки были повернуты носками в одну сторону – как раз в ту, где лежала Алиса. В них было некое загадочное единство.

Секатор прекратил свои сухие выстрелы. Алиса начинала нервничать. Лучше пусть скажут, что ее заметили. Или говорят о чем-то. Или хоть что-то.

– Ну и бородища у тебя, – внезапно весело сказала Кавалерия. – Хочется просто ее секатором подстричь!

– А вот этого не надо! – отозвался Меркурий. – Я огорчусь.

Кавалерия засмеялась, но очень коротко. Ее что-то заботило.

– Боюсь: *он* решился, – внезапно сказала она.

– За вторую? Гряду? – отозвался Меркурий. Алису удивило, что он даже не спросил, кто решился. Похоже, разговор начат был давно. Откуда ты. Знаешь.

Кавалерия дернула плечами. Алиса угадала это движение по ее длинной тени, пробивавшейся сквозь самшит.

– Есть какое-то общее течение личности… Я много думаю о Гае, ставлю себя на его место, и потому порой кажется, что я и есть Гай. Или глобально мало чем от него отличаюсь. Во всяком случае, его мне понять чаще проще, чем *двушку*, – объяснила Кавалерия.

Алиса едва узнавала ее голос. Он был мягкий, даже где-то неуверенный, без директорских интонаций. Хороший домашний голос.

– Чушь. Ты усложняешь. Женщинам надо. Упрощать себя, а не усложнять. Только тогда. Они будут. Довольны жизнью. Гай безумец, – ворчливо ответил Меркурий.

– Гай – первошныр. Никто из нас теперешних не в силах даже понять, что такое первошныр.

– Ну и чем они. Отличались от нас? – неприязненно спросил Меркурий.

– Они больше отдавали. А кто больше отдаст…

– …больше получит. Знаю. Но разве мы мало. Отдавали, – в его голосе Алисе почудилась обида.

– Это неважно. Но у каждого из нас были еще СВОИ надежды. Кто-то мечтал быть любимым, кто-то хотел иметь детей. Кто-то любил полеты больше *двушки*. Кто-то считал себя сначала художником, а потом уже шныром – и так до бесконечности. Первошныры же отдавали

действительно все. Им важна была только *двушка*. Я сейчас скажу крамольную вещь: даже пеги и закладки были для первошныров вторичны. Про прочее даже не упоминаю.

– Первошныры не были. Идеальны, – упрямо повторил Меркурий.

– Какая разница? Они отдавали все, и *двушка* пускала их гораздо дальше, чем пускает любого из теперешних шныров. И Гай отдавал все.

– Гаю. Не нырнуть. Он продался эльбам.

– Да. Вдруг за второй грядой все так трепетно и тонко, что нет никакой защиты? Центр мира как орех в скорлупе? Пробил скорлупу, преодолел крепостную стену – и делай все, что хочешь. Грызи, терзай, кромсай!

Они помолчали. Алиса слушала, затаив дыхание. Потом Меркурий сказал отрывисто и недовольно.

– Когда-то давно я был. У второй гряды. В маленькой долине между скалами. Я бредил. Казалось, глаза потрескались. Меня донес пег. Я свалился с седла. Касался скал. Руками. Пил воду, которая текла. По скале. Там не жарко. Совсем. Вторая гряда уходит в небо. Вершины я не видел. Сомневаюсь, что даже пег. Может перелететь.

Секатор в руках у Кавалерии щелкнул вхолостую.

– Да! Если не жарко уже с этой стороны, то вдруг с той… Хотя мы же не знаем этого наверняка! Никто из нас там не был.

– А Митяй? – спросил Меркурий.

– Легенда.

Носок серого ботинка упрямо дрогнул. Алиса была убеждена, что дрогнула и косичка.

– И потом. Как Гай. Нырнет? *Двушка* его. Никогда не пропустит! – сказал Меркурий.

– Нырнуть он сможет. Как угодно далеко, но один раз, – глухо отозвалась Кавалерия.

– КАК?

– Расколов главную закладку!

Долгая пауза. Потом Меркурий глухо сказал, уже не обрубая речь, а словно ломая ее об колено.

– Гай этого не сделает. Это был бы конец. ШНыра.

– А если?

Меркурий укусил себя за бороду, сунув в рот ее скрученный край. Была у него такая привычка. Если приглядеться, видно было, что волосы у него с одной стороны бороды длиннее и свиты точно в африканскую косичку. Это там, где он непрерывно вертел их пальцами.

– Глупость! Он сварится еще в Лабиринте! Закладка его не подпустит к себе. И защита ШНыра. Никогда.

Кавалерия не спорила. Она просто молчала, но серые ботинки были решительны. Валенки Меркурия взволованно топтались вокруг.

– Хорошо. Вероятность есть. Согласен. Что. Будем. Делать, – отрубил Меркурий, и непонятно было: спрашивает он или утверждает, будто делать надо таинственное «что».

– Утром я была в библиотеке. Листала летопись ШНыра. Никаких внятных указаний, как поступают в таком случае, я не нашла. За исключением случая 1787 года!

– А что было в 1787-м? Ах да! Шныры съели. Гиелу, – насмешливо сказал Меркурий.

Кавалерия уронила секатор. Когда она наклонялась за ним, Алиса увидела ее исцарапанную шиповником руку.

– Нет. Гиелу съели раньше, во время сильного голода. Тогда же съели и половину седел. Срезали с них кожу, вымачивали, растягивали между камнями. Не тронули только пегов.

– А это напрасно. Начнись сейчас голод, я лично съел бы. Аскольда. Позор природы. Пегас-тяжеловоз. Так что про 1787-й?

– Внешний периметр защиты был поврежден. Гай узнал об этом и стал группами переправлять берсерков в Зеленый Лабиринт, надеясь захватить главную закладку. Он защитил

берсерков таким образом, что они могли находиться у закладки несколько минут, а в Лабиринте около получаса. Гай надеялся, что этого хватит, чтобы расколоть закладку и вывезти ее части.

– Первая группа берсерков. Полегла. В Лабиринте.

– Да. Они не нашли прохода к закладке. Время истекло, и берсерки погибли. Но уже вторая группа привела с собой перебежчика-шныра, отлично знавшего Лабиринт. Они пробились к закладке, и отстоять ее удалось лишь ценой огромных потерь. Берсерков было всего семеро, но все же это были берсерки. Полегло большинство старших шныров, немало средних и почти половина младших. И тогда солнечный луч отразился от каменного фонтана и указал на одного из средних шныров! Он стал строителем закладки. Зеленый Лабиринт не просто изменился, он менялся каждый миг! Там где раньше был проход, возникла сплошная стена колючего кустарника. Берсерки вырубали его, жгли, устраивали подкопы, пытались пробиться по воздуху на гиелах – все бесполезно. Гиелы ломали крылья, подкопы затягивались корнями. Гай был в бешенстве. За какой-то час он лишился половины форта. Пытался посылать боевых магов, но они перетрусили после гибели первой же четверки. Мозг у них вскипел, а глаза оказались сваренными вкрутую еще за триста метров до Лабиринта.

– Лабиринт. Замкнулся. Сам в себе!

– Да. Можно было блуждать всю жизнь и никогда не найти выхода! И только один человек знал, как пройти его! Страж Закладки! У него было особое чувство изменяющегося Лабиринта! – голос Кавалерии, постепенно повышаясь, звучал громко, возбужденно. И тем спокойнее прозвучал ответ Меркурия.

– Предлагаешь избрать. Стража.

– Если опасность реальна. Главная закладка сделает это сама! Мы никого избрать не можем, – сказала Кавалерия, пожалуй, с чуть большим пафосом, чем было необходимо.

Меркурий не любил показного смирения. Особенно женского, из которого почти всегда торчат рожки.

– И как. Она его. Изберет. Выстроим учеников вокруг закладки. И будем прыгать. Зайчиком, – спросил Меркурий.

Кавалерия вскинула подбородок.

– Меркурий Сергеич! Я попросила бы!

– Я не смеюсь. Пытаюсь понять. Принцип.

Ножницы вновь сердито щелкнули. В этом споре они явно сражались на стороне Кавалерии.

– Принцип мне не известен! В летописях ничего нет! Ты же знаешь первошныров! Им хоть солнце на голову упади – они сделают только запись: «Светило свалишеся, и попалише овсы». Вот что их волнует! Овес!

Меркурий ухмыльнулся в бороду.

– А что делать. Пеги брюквы. Не уважают.

Он за то и ценил первошныров, что они были еще немногословнее его. Недаром шныровские новички, вдохновленные чтением летописей, нередко бегали по коридору с воплями: «Враг прииде! Враг отъиде! Всех ловиша, убиваша, ну и мы им в глаз даваша!»

– Подход, конечно, замечательный! Но меня больше бы волновало, как засунуть солнце обратно на небо! Совет! Рекомендация потомкам! – ответила Кавалерия с досадой.

– Потому мы с тобой. И не первошныры. Если человек будет заморачиваться. Плотностью воды. Он по воде. Не пойдет.

И, точно спеша найти где-нибудь воду и пойти по ней, громадные валенки Меркурия пришли в движение и уверенно развернулись носками к центру Лабиринта.

– Идем глянем. Закладку, – сказал он уже на ходу.

Алиса перевернулась на живот и, оперевшись на локти, следила, как Кавалерия и Меркурий уходят. Первым намерением было дождаться, пока они удалятся, и безопасно выскользнуть из Лабиринта, но потом она передумала и стала красться следом. Ей было приятно представлять, что таким образом она досаждает им. И еще приятнее было, что, увлеченные беседой и разгоряченные быстрой ходьбой, они совсем ее не замечают. Потом Лабиринт запетлял, и у Алисы исчезло время злорадствовать. Десять шагов – это, может, и близко, но только не в Лабиринте, где и два шага – это очень много, особенно если вас разделяет зеленая стена.

Алиса, хотя и бывала регулярно в Лабиринте, в центральной его части почти не ориентировалась и понимала, что, если заблудится, застрянет надолго. И она старалась не отстать. Неслась, тыкалась в тупики, издавала пугливый птичий крик, поворачивала и снова неслась куда-то. Колючки вцеплялись ей в волосы. Холодные пальцы паники уже трогали ее за шею. Потерялась! Она уже представляла, как умрет от голода и жажды где-нибудь в непосещаемом закутке и со временем кто-нибудь обнаружит ее скелет. По слухам, так однажды случилось с одним шныром-новичком. Когда его нашли полгода спустя, весь рот у него был забит листвой. Бедняга пытался питаться кустарником, но не слишком преуспел.

Внезапно сплетение акации, лавра, можжевельника и самшита расступилось, и Алиса, сгоряча не осознавшая этого, провалилась в залитое светом буйство цветущих хризантем. Кавалерия и Меркурий разом обернулись. Алиса попыталась сделать вид, что оказалась здесь случайно, но не успела натянуть на лицо нужную маску и только тяжело дышала.

– Так-так-так! И что, позволь спросить, ты тут… – строго начала Кавалерия.

Алиса всегда считала, что лучшее оружие – это нападение. Вот и сейчас она приготовилась к красивой вежливой истерике с морганием глаз, дрожанием щек и монотонным упрямым бормотанием – истерике, которая раз и навсегда покажет Кавалерии и Меркурию, кто кого облагодетельствовал, когда Алиса согласилась остаться в ШНыре. Истерика уже кипела внутри, постепенно обретая мимические формы, но, увы, так не и успела раскочегариться.

Серые зимние тучи неохотно расступились, точно кто-то изнутри дал им пинка. Внезапный луч солнца, прорвавшийся сквозь них, ударил в каменный фонтан и, необъяснимым образом отразившись, вспрыгнул на лоб Алисы. Она замахала руками, отгоняя его, отшатнулась и спиной врезалась в стену самшита. Самшит оттолкнул ее, и она малохудожественно сползла в хризантемы. Луч сместился и указывал теперь точно в грудь Алисе – прямо напротив сердца. Алиса вскочила, пытаясь стряхнуть его с себя, точно он был чем-то живым. Рванулась вправо, влево. Бесполезно. Луч не отпускал. Казалось, он прирос к ее одежде. Кавалерия подошла к Алисе и протянула ей руку.

– Вставай! – сказала она.

Алиса неуклюже поднялась.

– Пять баллов! И как ты это все устроила? – подозрительно спросила Кавалерия.

– Да никак!.. Брысь! Фу! Кыш с меня! – крикнула Алиса, отмахиваясь от луча как от привязчивой мухи.

Кавалерия неподвижно стояла и смотрела на нее с выражением, которое невозможно было определить. Алису это не волновало. Как всех актрис погорелого театра, ее волновали только свои роли. Взгляды всякие! Идите вы все со своими рожами! У нее было дело поважнее. Она сражалась с лучом. Ей чудилось: он прожигает ее насквозь, что-то будит, чего-то требует. Точно в пыльную кладовку прорвался снаружи яркий свет и сразу стали видны грязь и паутина. И спокойная жизнь в кладовке, под завязку забитой вкусными обидками и теплым расползающимся саможалением, сразу стала невозможной.

– Погоди. Не мельтеши. И не. Ори.

Меркурий поймал мешавшую ему руку Алисы и осторожно провел ладонью сверху вниз, а затем снизу вверх. Странным образом луч не погас, хотя громадная ладонь Меркурия дважды пересекла его линию. Казалось, к куртке Алисы приклеился крошечный островок света.

– Смотри. Луч только на ней. На моей руке. Его нет, – сказал Меркурий.

Обращался он к Кавалерии, воспринимая Алису как нечто не совсем понимающее слова.

– А-а-а! Уберите его с меня! – снова закричала Алиса.

Вырвавшись у Меркурия, она повернулась к закладке спиной. По идее, луч должен был бы переместиться на спину, но так и остался на груди. Законы оптики его не волновали.

Кавалерия больше не смотрела на Алису. Она медленно приблизилась к проходу в зеленой стене – единственному, выводящему к каменному фонтану. Точнее к тому, что было проходом – поскольку его больше не существовало. Он густо зарос колючим кустарником. Недоверчиво щурясь, Кавалерия щелкнула секатором, но обрубленный побег мгновенно дал два боковых ответвления. Щелкнула снова – и на месте двух побегов оказалось четыре.

Все же Кавалерия довела число побегов до восьми, а затем до шестнадцати, прежде чем признала поражение.

– Не хочу навязывать свой взгляд на вещи, но, кажется, Лабиринт выбрал себе стража, – произнесла она, озабоченно разглядывая глубоко уколотый шипом палец. Потом сунула палец в рот и попробовала свою кровь на вкус.

– Надо пить железо! Говорят, хорошо помогают ржавые гайки, замоченные на ночь в красном вине, – сказала она сама себе.

Меркурий повернул к Кавалерии бородатое лицо. Потом присел на корточки и поднял с земли побег шиповника. Только что обрубленный секатором, он стремительно пускал корни.

– Занятно, – сказал Меркурий.

– Чего уж занятнее! Мы замурованы тут как джинн в бутылке! – заметила Кавалерия.

Меркурий оглянулся. Его разбойничья борода провела по воздуху горизонтальную черту и остановилась на Алисе.

– Но выход. Есть, – сказал он, как всегда помещая вопрос куда угодно, но только не в голос.

– Разумеется. Выход с нами. Все же надеюсь, что Гай любит эмоции больше, чем я, – отозвалась Кавалерия.

Меркурий аккуратно взял Алису за плечи и развернул ее лицом к лабиринту.

– Веди. Чего уж. Мне сегодня еще. В нырок. А самим нам. Дороги не найти.

– Куда вести? – испуганно спросила она.

– Да все туда. К ШНыру. Можешь к пегасне. Оттуда я уж сам как-нибудь. Добреду.

Алиса хмыкнула.

– Можно подумать, я знаю дорогу! – с вызовом сказала она.

– Не. Знаешь, – удивился Меркурий.

– Конечно, нет!!!

– А может, все же?

– Не хочу морщить мозг!

Алиса шагнула к зеленой стене, по-хозяйски провела по ней ладонью, точно оглаживая пега перед тем, как седлать его, а потом вдруг – неожиданно и для себя – шагнула в самое сплетение кустарника, и тот внезапно расступился, хотя в первую секунду казалось, что он утыкает Алису колючками.

Меркурий и Кавалерия бросились следом, оказавшись в следующем витке Лабиринта.

– Как ты поняла, что проход здесь? – воскликнула Кавалерия, оглядываясь на сплошную стену, которую они каким-то чудом миновали. Стена уже сомкнулась за ними. Теперь тут и муха бы не пролетела.

– Ну как! Шиповник здесь в сочетании с самшитом, – осторожно сказала Алиса, без доверия нашаривая всплывающее в ней знание.

Это была система. Просто система. Немного чокнутая, но все же логичная! На миг Алиса даже испытала уважение перед ее красотой.

– И что?

– Как что? А у самшита вот эти вот листики у ствола желтые!

– Так они всегда желтые.

– Не всегда. Иногда сероватые. А чаще вообще листьев нет, – сказала Алиса назидательно.

– И чего? Где листья самшита желтые – там можно проходить?

– Нет. Проходить можно там, где рядом лавр!

– Значит, надо искать лавр?

– Молодой лавр с раздвоенным стволом. И чтобы рядом на шиповнике были ягоды, но четное количество. Но если их больше десяти, тогда засчитывается только, если одна из ягод наполовину подгнила.

– Погоди, – торопливо сказала Кавалерия. – Не так быстро! Значит, я ищу шиповник с ягодами, проверяю, есть ли поблизости лавр, и…

– Да не, лавр это так, декорация. Главное, чтобы по стволу шел вьюн. От земли такой, с бледными цветами!

– Значит, вьюн?

– Ага! Но только чтобы рядом не оказалось самшита с желтыми у ствола листьями. Он все перечеркивает, – честно объяснила Алиса. Она самым искренним образом не могла понять, что же тут сложного.

– Не оказалось? Стоп!!! Но ты же только что говорила.

– Что?

Кавалерия закрыла глаза и положила себе на лоб ладонь.

– Все, Меркурий! Держи этого стража за плечи и идем, пока не сбежала! Тебе в нырок, а мне сегодня еще в дурдом сдаваться. Я явно не справляюсь с должностью главы школы, – сказала она вполголоса.

– Еще бы! – сказала Алиса и, чтобы избежать взгляда Кавалерии, шагнула вперед.

Она шла решительно, прямо на зеленую стену, и та расступалась перед ней. Изредка Алиса останавливалась, делала несколько шагов в сторону, возвращалась, меняла ряд и снова шагала – уверенно и даже где-то зло.

«Подумаешь! Облагодетельствовали! Сделали меня хранительницей бабушкиной дачки на шести сотках! Плевать! Да подавитесь!» – мысленно фыркала она.

Все же в глубине души было приятно. Алисе нравилось, что она легко находит проход. С одного взгляда. Просто находила и все – по трем, четырем, пяти взаимоисключающим признакам. Такое бывает, когда долго играешь в компьютерную игру, скажем, в древнего «сапера», которого засовывают по привычке во все «Окна» без исключения. Под конец уже не задумываешься, где бомбы. Достаточно взгляда на монитор – и сразу их чувствуешь. Вот здесь, и здесь, и здесь! А почему? А потому что! Начинаешь объяснять – непривычный народ просто дико тупит.

Еще Алисе нравилось, что в Лабиринте, как в «Сапере» – ошибаться нельзя. Ошибешься – сразу отбросит на самое начало, и давай, умница, думай дальше! Участки для прохода очень узкие – местами громоздкий Меркурий протискивался боком. Сам виноват! Нечего было в молодости плечи такие раскачивать. Лучше взял бы и вырос! И прямая логика в прохождении отсутствовала. Курила в туалете через трубку для сливания воды из аквариума. Чтобы попасть вперед – часто надо было шагнуть куда-то совсем в сторону. Алиса это прекрасно понимала, как-то сердцем, не разумом. Хочешь вперед – иди назад! Понял? Не понял! Ну и гуляй! Посвистывая, она шагала вперед, небрежно отмахиваясь от колючих веток.

Кавалерия и Меркурий прошмыгивали за ней как робкие школьники, хотя и пытались сохранить какое-то осколочное величие. Под конец Алиса почти начала их презирать. Ничтожества какие-то! Угораздило ее засунуться в эту помойку! Да она только потому тут торчит,

что мать проедает плешь куда больше, а отец вообще – предмет мебели. Куда она ему пальцем ткнет – туда он и бежит. Тютя! Взял бы тумбочку да и огрел ее по лбу! Не до смерти, а так… профилактически! Потом бы вышел из тюрьмы, а тут всюду бумажки висят: правила пользования женами и семейный кодекс Российской Федерации.

– Первая стадия: узнать о себе правду. Только когда ты ее узнал, можно двигаться дальше. До этого всегда находишься в плену иллюзий. Но когда узнаешь о себе правду, всегда вначале вспышка усталости, потом ненависти, – внезапно сказала Кавалерия. Негромко, но очень отчетливо. Алиса оглянулась.

Лицо у Кавалерии было рассеянное, на Алису она не смотрела, разглядывая ручки своего секатора. Тоже мне, шедевр дизайнерской мысли! Вообще непонятно кому это сказала. Может, Меркурию. Он-то небось не хочет знать о себе правду, скотина такая!

«Вот уроды! – подумала Алиса. – Конкретные! Добреньких из себя корчат! Чем больше человек притворяется, что он не урод, тем больший он урод! Устроили тут гетто, таскают камни с *двушки* и мнят себя спасителями человечества! Ну не уроды ли? Всем можно, себе нельзя! Ути-пути, философия! Да сдохнете вы со своим Лабиринтом! Тоже мне – развели тут рассаду, мух напустили, стрекоз всяких!»

Точно отзываясь на ее мысль, на изгиб локтя ей села большая стрекоза. Алиса хлопнула по ней ладонью. Она не была уверена, что попадет, стрекозы обычно быстрые, но почему-то попала. В насекомом что-то хрустнуло. Оно упало на землю. Алиса испуганно наклонилась. Ожидала, что стрекоза сейчас взлетит – они же довольно крепкие, фиг два убьешь, – но та не взлетала, только ползала. Переднее крыло было задрано куда-то к голове. Оно-то и мешало.

– А, доверчивая! Типа я хранительница Лабиринта и плохого не сделаю, – пробормотала Алиса. – Ну и дура, что поверила! Я тоже была доверчивая! А мне вот как!

Она подняла ногу и, пяткой наступив на стрекозу, повернулась на месте.

– Ты что? – спросила Кавалерия, пытаясь заглянуть ей через плечо.

– Ничего! Споткнулась! Ну, овцы, топаем! – с вызовом сказала Алиса и решительно шагнула вперед.

Про овец она, впрочем, сказала совсем тихо, можно сказать, про себя.

Глава 3
Корифеи и корефаны

Мой кошмарный сон. На станции с открытыми дверями стоит поезд. Стоит очень-очень долго. Я теряю терпение, вскакиваю, что-то кричу и выбегаю. Двери начинают закрываться, но в этот момент в них заскакивает еще какой-то человек. Его прихлопывает, но он отжимает двери и втискивается внутрь. Все это происходит у меня на глазах. Я бросаюсь к поезду, но поздно. Состав уезжает в тоннель.
Из дневника невернувшегося шныра

Тихий ресторанчик затерялся в переулках у «Кропоткинской». Вывеска неприметная, и человеку без воображения он покажется чем-то вроде закусочной, где вилки залеплены лапшой, а туалет грустно плачет близостью верхних соседей и для выразительности покрывается двухслойным грибком.

Вот только в тот день сюда не попал бы и французский посол. С обеих сторон переулок был перегорожен оранжевыми конусами и табличками «Дорожные работы». Сразу за ними припарковались тонированные микроавтобусы, из которых изредка выглядывали атлетического сложения строительные рабочие – все в одинаковых оранжевых спецовках, под которые очень хорошо вписывались бронежилеты пятого и шестого класса защиты. Бронежилеты первого класса, как известно, защищают от пуль пистолета Макарова и слабых десертных ножиков. Второй класс – от пистолета Токарева, малогабаритных пукалок и в усиленном варианте от охотничьего ружья 12-го калибра под охотничий патрон. Бронежилеты пятого класса – от автоматных пуль, если они любезно попадут в грудную пластину. Шестой класс жилетов защищает, кроме того, от снайперских винтовок и тяжелых арбалетных болтов с бронебойными наконечниками. А от капризного Дионисия Белдо и яростного Тилля не защищает никакой тип бронежилетов. Первый сглаживает сразу. Второй вгоняет топор в висок между глазом и ухом, где жилета вообще не предусмотрено.

Берсерки высовывались из автобусов, топтались и, размяв ноги, вновь скрывались. Кроме этих любителей физического труда, у которых на десятерых едва отыскалась бы одна лопата, в каждом автобусе находилось по встрепанной дамочке. Они были как на подбор – в смешных шляпках, коротких шубейках и в теплых штанах, под которые поддеты еще и рейтузы.

Дамочки ели заварную вермишель из пакетиков, роняя ее себе на колени, скучали, монетками царапали заледеневшее изнутри стекло и часто выходили покурить. Это были лучшие боевые ведьмы Дионисия Тиграновича, любящего, как известно, использовать женский труд. Белдо утверждал, что женщины втайне обожают, когда их эксплуатируют. Если однажды перестаешь это делать – женщина не находит себе места, бьется головой о стену и повторяет: «Потираньте меня хоть кто-нибудь! Или я сдохну от сознания моей ненужности!» И Белдо, конечно, шел навстречу.

Каждая из его «деток» стоила в сражении пяти хороших солдат. Берсерки, любители желудочных развлечений, протеиновых коктейлей и глуповатых, хорошо сформированных клуш с надежно отформатированными телевидением мозгами, смотрели на ведьм со смесью брезгливости и суеверного страха. Рейтузные дамочки отвечали людям Тилля ничуть не меньшим презрением. С берсерками они принципиально не общались и с вызовом выдыхали сигаретный дым прямо в автобус, чтобы ценящие свое здоровье качки помучались, представляя, что проведут на этом свете на пять минут меньше. Боевым ведьмам неинтересны были люди-звери, которые не знают, что Ося Мандельштам по батюшке Эмильевич, и не вызывают ночами

словоохотливый дух Бродского, от которого не спрячешься потом даже в экранированном котлетами холодильнике.

В неожиданно просторном обеденном зале за овальным столом, к которому с одной стороны приставлен кожаный диван, а с других – тяжелые стулья с высокими спинками, было немноголюдно. На диване балетным котиком, поджав под себя ножки, сидел гибкий старичок Дионисий Белдо и меланхолично сосал кофейную ложечку.

Грузный Тилль, положив локти на стол, рвал зубами куриную ногу. Могучие челюсти с хрустом размалывали суставы. В том, как он насыщался, были обстоятельность и серьезность, точно и не ел он, а совершал ритуальное действо. Нечто нутряное, неповоротливое, утробномыслящее угадывалось во всей склоненной над тарелкой фигуре. За столом сидел не человек, не глава форта, а вершина пищевой цепочки, вобравшая в себя целую кучу живых и растительных организмов, в свой день и час сожравших друг друга. Из недр Тилля доносились низкие, рокочущие, переваривающие звуки. Это было утробное единение человека и его желудка – единение, в котором человек был слугой, а желудок – господином.

На шее у главного топорника тускло поблескивала кабанья голова. Цепочка была такой короткой, что Тилль касался ее жирным подбородком. Изредка он вскидывал глаза и преданно, как пес, смотрел на Гая, который, скрестив на груди руки, прохаживался по залу.

На соседнем с Тиллем стуле помещался Долбушин, а чуть позади него Лиана Григорьева – курчавая женщина с решительными ногами. Оба ничего не ели. Официантов в зал не пускали: тарелки подавали Млада и Влада, известные отравительницы, оккультистки и просто очень милые женщины. Белдо они понимали так хорошо, что он отдавал им приказы глазами, а с Гаем были так предупредительны, что делалось даже противно.

– Вот видите, Альберт, мы вас простили, хотя вы отправили на тот свет немало лучших бойцов Тиля, – улыбаясь, сказал Гай.

Не понимая, куда клонит начальство, и не намек ли это, что пора пускать в ход лежащий на подоконнике тяжелый арбалет, Тилль перестал жевать и вопросительно посмотрел на Гая. Долбушин на всякий случай проверил глазами, далеко ли его зонт. Шагах в трех, болтается ручкой на придвинутой к столу вешалке. До зонта бежать примерно столько же, сколько Тиллю до арбалета.

– В основном они перестреляли друг друга. Если уж пускаешь в ход магию, надо понимать, что она обратима, – сказал Долбушин.

– С вашей помощью, Альберт! Вашей и отдельных ваших родственников. Однако мы с Ингваром не в обиде. Во всякой эффективно работающей структуре должно быть движение кадров. Произошел естественный отбор имени Чарли Дарвина! Амебы-туфельки вытеснили инфузорий из первичных болот и на радостях эволюционировали! – бодро продолжал Гай.

Долбушин наклонился вперед. Намек на отдельных родственников ему не понравился. В остальное он не вслушивался.

– А вот этого не надо! – с досадой сказал он. – Не думаю, что вы меня простили! Вам выгоднее иметь меня союзником. Опять же с моим фортом без меня не договориться. На открытый конфликт они, разумеется, не пойдут, но за спиной будет много возни.

– Это правда, Лианочка? – спросил Гай, расслабленно, но зорко глянув на его заместительницу.

– Что я могу знать? Я бедная глупая женщина! Мой интеллектуальный максимум – высчитать в уме, во что превратятся сто тридцать два рубля, положенные на депозит, через 1756 дней при семи с половиной процентах годовых, – меланхолично откликнулась особа с решительными ногами.

– Тоже неплохо. Может, вам копеечку дать? По бедности?

– Можно. Но лучше безналом, а то она у меня в сумочку не поместится. Конечно, я могу катить копейку перед собой, но это будет очень уж жалобно, – сказала она.

– Забавно! Все же мне хотелось бы узнать ваше мнение, – настаивал Гай. Края рта у него пошли вниз, причем правый отставал от левого.

– Хорошо. Принцип прост. Чтобы эффективно управлять берсерками – надо быть берсерком, прошедшим весь путь от простого топорника. Знать все изнутри, до мелочей. Чтобы управлять магами – надо быть самым безумным, самым чокнутым магом.

Белдо перестал сосать ложечку и обиженно привстал с диванчика.

– Это что, я? Обо мне? – спросил он жалобно.

Лиана Григорьева нетерпеливо махнула рукой, обрывая его.

– Позвольте мне закончить, Дионисий Тигранович! Я хочу сказать о нашем форте! Как управлять теми, кто всегда против всего? Это даже не диссиденты, не оппозиция – это я даже не знаю что! Подари им солнце, небо и звезды – они будут искать в этом твой интерес, чтобы и здесь остаться недовольными и против чего-нибудь протестовать! Если попадут в рай – захотят в ад. Возможно, там будут маньяки и психи, но они хотя бы не пишут коллективных деклараций и не собирают подписи, – убежденно сказала Лиана.

– И как же Альберт ими управляет?

Заместительница Долбушина тряхнула кудрями.

– Это фирменный секрет Альберта Федоровича. Я пыталась уловить алгоритм, но у меня ничего не вышло. Либо он все время меняется, либо я действительно остро нуждаюсь в вашей копеечке!

Гай слушал Лиану с интересом, отчасти даже любуясь ею.

– Хороша! Нет, правда! Она почти убедила меня, что вы бесценны, Альберт! Хотите я поменяю вам ее на Арно? – внезапно предложил он.

– Хочу, – сразу согласился Долбушин. – Я его повешу. Или попрошу Ингвара его пристрелить. Он это сделает. Я знаю. Он тоже ненавидит Арно, но стесняется признаться.

Арно, стоявший у окна, злобно и одновременно трусливо уставился на Тилля. Глава форта берсерков пожал жирными плечами и не спеша вытер пальцы о салфетку.

– Не понимаю, Альберт, с чего такие выводы? Я, конечно, не отказываюсь, но как-то очень неожиданно, – прогудел он.

Арно стал пепельным.

– Нет уж! – сказала Лиана. – Меня вполне устраивает мой теперешний рабочий кабинет. Там очень милые шторки, под окном стоит моя машинка, купленная в цвет ногтей, а на подоконнике цветет декабрист. Я каждый день рыхлю его спичкой.

– То есть вы остаетесь у Долбушина? – уточнил Гай.

– Совершенно верно. Кроме того, я забыла упомянуть, что недавно заменила в компьютерной мышке батарейку. Я понимаю, что это мелочь, но на самом деле замена батарейки – крайне ответственная вещь.

– Спасибо, Лиана, – сказал Долбушин.

Она поклонилась.

– Не за что. Только не забудьте повысить мне зарплату!

– Это слишком хлопотно. Лучше приходи завтра с чемоданом.

– С чемоданом уже ходила. Это хлопотно и глупо. Все подумают, что я вернулась из Турции. Лучше приеду на «Газели», – пригрозила Лиана.

– Ты не впишешься на парковку.

– Ничего. Я кого-нибудь снесу. У нас народ понимающий.

В дверях, ведущих на кухню, обозначилось оживление. Млада и Влада принесли кофе.

– Вы не боитесь, Дионисий? Чашки-то одинаковые, – поинтересовался Долбушин.

– Тьфу-тьфу-тьфу! На что вы намекаете? Для вас нет ничего святого! Я вас просто ненавижу, циничный вы человек! – всполошился Белдо.

Одновременно он сурово посмотрел на Владу, на лбу которой появилась озабоченная морщинка. Бедная Влада лихорадочно пыталась вспомнить, должна была она травить Долбушина или нет. Кажется, нет? Или да?

Глава финансового форта посмотрел на часы.

– Я опаздываю. На три тридцать намечена встреча моего форта. А сейчас уже без пятнадцати три.

– Без восемнадцати! И ехать нам где-то сорок минут без учета пробок, – сказала Лиана Григорьева, любящая точность.

Гай усмехнулся.

– Предусмотрительно, Альберт, – произнес он с мягким укором. – Пришли на встречу, а камень припрятали за пазуху! Если вы не явитесь, все решат, что вас убили. И не кто-нибудь, а я! Не так ли?

Долбушин сухо поклонился и встал.

– Я предпочитаю ясность.

– Но мы же отныне друзья, не правда ли? Все недоразумения в прошлом? – вкрадчиво продолжал Гай.

– Безусловно! Но позвольте откланяться! Мне пора, – опасаясь, что впечатлительный Дионисий Тигранович полезет обниматься, Долбушин тревожно покосился на Белдо.

Однако тому лень было вставать с диванчика, на котором он так уютно устроился. Старичок лишь помахал Долбушину ложечкой, а потом прикоснулся к своему сердцу и подул на ладошку, чтобы любовь его сердца долетела до Долбушина.

Отвечая любезностью на любезность, Долбушин тоже прикоснулся к своему зонту и подул в сторону Дионосия Тиграновича. Белдо поморщился, как вежливый человек, вынужденный иметь дело с грубияном.

Долбушин с Лианой ушли. Ступая легко, как кот, Арно проводил их до машины.

– До свиданья, Альберт Федорович! – сказал он.

Долбушин, сажавший Лиану в автомобиль, остановился и обернулся.

– Лучше уж прощай! Для обоих лучше. Ты на меня не обиделся?

– Нет! Я никогда ни на кого не обижаюсь, – грустно поведал Арно.

– А вот это напрасно. Я и правда бы тебя повесил!

Арно улыбнулся еще мягче, еще печальнее и смахнул с долбушинского плеча севшую снежинку.

– Знаю, Альберт Федорович! Желаю вам не опоздать на встречу! Такая суровая зима, едва успевают разгребать снег!

Усаживаясь в машину, Долбушин увидел свое отражение в зеркале заднего вида. Лицо было уставшее, немного обрюзгшее, под глазами сетка морщин. Долбушин подумал, что за последние месяцы он сильно сдал. Обычно подтянутый, он начинал быстро лысеть и отращивать животик, который на худощавом теле выглядел нелепо.

Раньше эльб заботился о нем, теперь же тело Долбушина стало обычным заложником прожитых лет, спеша догнать свой реальный возраст. «Уж лучше так, чем быть живым консервом», – подумал Долбушин, вспоминая вечно молодое лицо Гая. Альберт не жалел, что убил эльба. Единственное, что его волновало, – возможное возмездие. Эльбы мстят всегда, хотя иногда и откладывают месть. Ну ничего, пока что он нужен эльбам, а дальше… Дальше видно будет.

Когда Арно вернулся, Тилль рвал курицу руками и ел, а Белдо, шевеля пальчиками, заставлял ее кости маршировать по столу. Млада и Влада охали и умилялись. Гай скучал.

– Уехал? – спросил он у Арно.

Секретарь вежливо поклонился.

– Значит, мир с Долбушиным восстановлен? – Тилль брезгливо отдернул руку, чтобы ее не коснулись плящущие кости.

– В какой-то мере, – отозвался Гай. – Его мы трогать не будем. Он, к сожалению, действительно незаменим.

Тилль вздохнул. Ему по-прежнему хотелось получить зонт.

– Из-за особенностей форта? – уточнил он.

– Не только. Сейчас все размывается. Границы между фортами стираются. К нам приходит все больше людей, которые не являются ни магами, ни берсерками. Куда, например, поместить ту новую девицу, которая превращает все в шоколад?

Белдо перестал шевелить пальчиками. Куриные кости осыпались.

– Что? Вообще все? – удивился он.

– Все, до чего дотронется. Поэтому обниматься с ней не советую. Разумеется, она все время ходит в перчатках.

– Но откуда…

– *Закладка случайной мечты*. Месяц назад берсерки Ингвара подстерегли кого-то из средних шныров. Он как раз вышел из нырка и немного не угадал с высотой. А дальше берсерки сделали две глупости сразу. Первая: начали стрелять. Вторая: промазали. Болт пробил сумку. Закладка вылетела километрах в пятнадцати от Копытово, ну знаете, где дорога через дачи? И тут неизвестно откуда возникает голодная студентка зоотехникума Рая Великанова. Идет с электрички в свое Северное Чебутыкино и грезит шоколадом, – Гай замолчал и с досадой посмотрел на Тилля.

– У ребят не было шансов! – начал оправдываться тот. – Закладка свалилась ей на голову, и она схватила ее, чтобы с досады бросить в снег. Ну а дальше понятно! Пока ребята спускались, она уже превратила в молочный шоколад два дерева и детские качели. И ела, ела, ела как безумная! Стоит у дерева и отгрызает ветки! Увидела гиел и грохнулась в обморок. Мальчики поступили здраво. Не прикасаясь, обмотали ей ладони своими шарфами, закинули на седло и захватили с собой. Сейчас она у нас на базе. Кормит гиел.

– Как?! Вы скормили гиелам? Девушку с закладкой? – ужаснулся Белдо.

– Дионисий! Я же сказал: *кормит гиел*. Впрочем, толку от нее мало. Гиел боится смертельно, хоть и из ветеринарного техникума. Ей только хомяков лечить. Отошлю ее Долбушину.

– Нет-нет! Ни в коем случае! Отдайте ее мне! – запротестовал Белдо.

Тилль гоготнул.

– Зачем она вам, Дионисий? Признавайтесь! В ней магии как в пробке от ванной. Ну превращает девчонка все в шоколад – только и делов-то. Шоколад я и так себе куплю! Нет, чтобы пожелать… ну не знаю… хм… чтобы я меньше курил!

Старичок поморщился.

– Фух! Всего-то! А как же дерзновение мечты? Вы меня огорчаете, дорогой Ингвар Бориславович!

На самом деле речь шла не об огорчении. Тилля глава магического форта глубоко презирал, хотя презрение это внешне имело мягкие и абсолютно цивильные формы. Когда тетя в шляпке, дуя губки, говорит уборщице: «Клавочка, душечка, вы у меня под стульчиком, пожалуйста, больше тряпочкой не возюкайте! Там стоят мои туфельки, а вы капаете на них водичкой!», означает ли это, что они в прекрасных отношениях?

Тилля все это балетное кокетство трогало мало. Для него ссора начиналась с ругательств и заканчивалась выстрелом из тяжелого арбалета, а обида… хм… обида – это не получить обещанный псиос. А все эти старушечьи обижульки были для него что комариные укусы. Особенно сейчас, когда его раненый сын медленно, но верно шел на поправку. Врачи больше не прятали глаза, не отказывались от денег и все чаще пускались в абстрактные суждения, что говорило об их уверенности в завтрашнем дне.

– Ах-ах-ах! Хотите завязать с курением – обратитесь к Младочке! – продолжал кудахтать Белдо.

Бывший топорник скомкал салфетку и бросил ее на тарелку.

– Нет уж, Дионисий! Знаю я вашу вшивую магию! С Младой я брошу курить сигареты и начну курить бамбук. Лучше уж ребята добудут мне еще одну закладку мечты.

– Зачем она вам? Вы плохо понимаете, Ингвар, что такое «спонтанная мечта». Она стихийна, тонка, сиюминутна, ее невозможно предугадать заранее! А вдруг у вас будет болеть голова, вы скажете: «да чтоб ты лопнула!» и именно эта мечта сбудется? Девчонке еще повезло, что она не пожелала провалиться на этом самом месте или заснуть мертвым сном, или что-нибудь такое, столь же роковое. Отдайте ее мне, Гай! В мой форт! Она была бы долбушинская, если бы превращала все в золото. Опять же, вы сами сказали: средний шныр не мог вытащить слишком сильную закладку.

Тот великодушно махнул рукой.

– Договорились, Дионисий! Берите! Только если станете громадной конфетой, хоронить я вас не буду. Скормлю ребятам Тилля… – голос Гая стал вдруг очень сух и деловит. – Теперь про Альберта. Помните я сказал, что примирился с ним «в какой-то мере?» Эту меру я и хочу установить. Мне не нравится, что он ощущает себя победителем. Дурной пример для его форта. Для всех фортов!

Тилль с Белдо разом перестали улыбаться и жадно, как две овчарки, ожидающие команды «фас!», уставились на Гая.

– Разумеется, трогать его самого никак нельзя, однако надо четко показать ему его место… Разовой жесткой акцией!

– Дочь? – переставая жевать, понимающе спросил Тилль.

– Нет. Даже и не думай! Вспомни пророчество Круни. Девчонка нужна нам. Все десять нужны, а она – больше всех.

– Тогда что?

– Гиела, на которой она летает. У шныров не должно быть гиел. Хватит с них крылатых лошадей! – сказал Гай.

– Стоит ли волноваться? У шныров всего одна гиела. Военного значения она не имеет. Пусть себе летает. Одной гиеле потомства не оставить, – пискнул Белдо, изредка жалевший зверушек.

Гай посмотрел на него с таким раздражением, что умный глава форта сразу умолк и отгородился ладошками.

– Вы не задумывались, Дионисий, откуда гиелы вообще пришли в наш мир? Сбежали из зоопарка? Или вы верите тому, что мы говорим новобранцам? Жили-были ящеры, все вымерли, но гиелы с крокодилами остались. Про крокодилов знают все, а про гиел – только мы с вами.

Белдо хихикнул, ухитрившись этим втиснуться в очень узкую щель между подобострастием и собственным достоинством.

– Ну нет, конечно. Хотя мы ведь, правда, не знаем, откуда они, – осторожно сказал он. – Я помню, еще в ШНыре у нас шли горячие споры! Одни говорили: гиелы с *двушки*, как и пеги. Другие с пеной у рта кричали, что гиелы из того задохнувшегося мира, который стал *болотом*. Было же там население! Мир схлопнулся, все живое погибло, эльбы стали тем, чем стали, а гиелы как-то смогли прорваться в наш мир и принесли потомство.

– Меркурий? – быстро спросил Гай.

– Да, – закивал Белдо. – Это его версия. Он даже считал, что гиелы могли свободно летать в оба мира, поскольку *болото* – средний мир. Бред, да?

Гай угрюмо молчал. Пауза опасно затягивалась. Пахло грозой. Тилль наколол на вилку кружок колбасы и, точно проверяя, живая ли она, потрогал ее пальцем.

– С вами не соскучишься, Дионисий! Лично я не встречал ныряющих гиел. Все гиелы разбивались вдребезги.

– Разбивались, – согласился Белдо. – Разбивались. Но, может, дело не в *болоте*, а в том, что сами гиелы забыли? Утратили инстинкт нырка?

– Не все. Я знал человека, который прорвался на гиеле из нашего мира, – разомкнув губы, сказал Гай.

– Не совсем покойный Клавдий? – поморщился Белдо. Он не любил вспоминать своего предшественника.

– Да, *не совсем покойный Клавдий*! Нечего сказать: глава магического форта! Один из перебежавших шныров клялся, что видел его застрявшим в *болоте*! – сказал Гай.

– Но ведь наш мир он покинуть сумел? – с вкрадчивым упрямством повторил Белдо. – Может, все дело в *двушке? Двушка* его оттолкнула, а обратно гиела не долетела? Да и куда он вообще пытался прорваться? На *двушке* он бы испекся.

Дионисий Тигранович произнес это довольно дурашливо, со старческим пришепетыванием, с клоунадой, а сам зачем-то то и дело посматривал на Гая, причем не прямо, а используя висевшее на стене зеркало. Подвижное лицо Гая больше не было спокойным: оно увеличилось, окаменело, стало полосато-розовым, у узкого подбородка вздулись две припухлости.

– Нет! Кое на что он надеялся! Он не был самоубийцей! – ответил Гай, отлавливая в зеркале убегающие глазки старичка. – И уверен, вы догадываетесь об этом!

– Нет-нет-нет, – торопливо сказал Белдо. – О чем же?

– *Двушка* существует по особым законам. Да, выталкивает, да горячо. Да, не каждый шныр долетит до Межгрядья! Но если ты каким-то чудом прорвался через вторую, до небес доходящую гряду – ты неуязвим. *Двушка* тебя больше не вытолкнет. Ты станешь чем-то вроде языческого бога. Будешь сам диктовать правила! – сквозь зубы сказал Гай.

– Вы это точно знаете? – с жадной быстротой переспросил Белдо.

– Что я могу знать точно? Я лишь надеюсь. Точные знания всегда самые неточные, – сердито ответил Гай и вдруг сомкнул губы. Мягкий рот его отвердел, словно захлопнулся ящик стола.

Глава форта почувствовал, что узнал слишком много. Так много, что еще чуть-чуть и его знание станет посмертным. Гай уже посматривал на Тилля, а тот на свой арбалет. Включив внутреннего клоуна, Дионисий Тигранович вспорхнул с диванчика. Ручки замахали как крылья.

– Да-да-да! Гиела – мерзкий ужасный зверь! Да еще у шныров! Если хотите, я могу послать Владочку. Она готовит чудесную рыбку. Гиела съест малю-ю-юсенький кусочек и умрет исключительно от счастья!

Гай покачал головой, показывая, что обойдется без помощи Влады.

– Гиелой займутся люди Тилля. Все ясно?

– Да! – лениво отозвался бывший топорник. – Чего уж тут?

– Вы не просто убьете гиелу, Ингвар! Вы привезете мне ее труп. Я хочу лично убедиться, что приказ выполнен. Словам я больше не верю.

Челюсти у Тилля стали тяжелыми, словно он держал во рту камень. Глава берсерков не забыл, что в день, когда Гамов ранил его сына, Рина была на этой проклятой гиеле. Если бы не она, то, возможно, и Гамов не стал бы стрелять.

– Сделаем, – сипло сказал он. – Загоню в Копытово автохолодильник, ну а там уж как только так сразу. Псиос-то ребятам будет? Что сказать?

– Будет много псиоса. Но только после выполненной работы, – заверил Гай.

Дальше разговор тек уже как-то неохотно и быстро треснул паузой. Из нее неглупый Тилль заключил, что ему пора, попрощался и уехал. За столом остались только Гай и Белдо.

Да Младочка с Владочкой шмыгали вокруг, оказывая всякие мелкие услуги. Гай посмотрел на них – и обе вороны исчезли.

– А от вас, Дионисий, мне потребуется услуга совсем иного рода, – сказал Гай. – Мне нужна пчела!

– Что?

– Золотая пчела любого из шныров. Без нее я не попаду в лабиринт, – повторил Гай.

Глава 4
Философия мировой справедливости в контексте нравственных ценностей, или кофе как лучший сорт чая

Когда человек здоров, богат, хорошо выспался, он согласен быть добрым. Но такая сытая верность мало что стоит. Верность стоит дорого, когда уставший, измотанный, выбившийся из сил человек внезапно оказывается способным на поступок.
Из дневника невернувшегося шныра

Ночь в ШНыре прошла обычно. До трех часов все шастали друг к другу в гости, пили кофе, извлекали из загашников припрятанные печеньки, читали на планшетах книги, играли в мафию и всячески культурно-бескультурно времепровожденчествовали. Преподаватели притворялись, что свирепствуют, а средние и младшие шныры делали вид, что очень боятся. Кавалерия относилась к режиму философски, считая, что распорядок дня у взрослых людей саморегулируется. То есть если сегодня человек лег спать в четыре утра, то завтра он ляжет в девять вечера, так что в результате получится примерно «то на то».

Штрафные отжимания и внеочередное дежурство по кухне схватил в результате только Кирюша, ухитрившийся спрятаться в чемодан в комнате девочек. Что он там забыл и как туда залез – осталось неизвестным. Но Кирюше все равно было куда прятаться – лишь бы у девочек. Сашка подозревал, что он даже в тумбочку заберется, но опять же исключительно у девочек.

Алиса бродила по комнате и ставила на зарядку все электронные устройства, которые находила. Свои и чужие. Это у нее была, пожалуй, единственная позитивная привычка. Вечернее хобби. Даже если телефон (или смартфон) почти заряжен, Алисе все равно хотелось его подкормить.

«Чтобы толстенький был… сытенький!» – бормотала она, и лицо ее при этом светилось заботой. Спорила с ней обычно одна Фреда, которая любила разряжать телефон в ноль, а потом заряжать его, пока батарея не вскипит. Алису к своему телефону не подпускала.

– Не трогай его, больная! Он мой, понимаешь, мой, – шипела Фреда.

– Не могу смотреть, как он мучается! Я тебе лучше руки ломом переломаю, а его поставлю на зарядку, – отвечала Алиса.

Ближе к трем все младшие шныры наконец улеглись, а уже в 4:05 у Алисы случилась истерика. Ее вдруг посетило прозрение, что она никому не нужна и ее окружают одни дебилы. Она стала стучать лбом в стекло, плакать и мотононно бормотать «дебилыдебилыдебилы».

Уставшие дебилы не просыпались до 4:25. В 4:25 Фреда тихо поднялась, взяла за две ножки табурет и на цыпочках пошла убивать Алису. Чудом спасшись, Алиса отправилась травиться таблетками, но у нее замерзли ноги (в коридор удрала босиком). Она пошла обратно и возле душевой встретила Рузю, который с угрюмой сосредоточенностью пожирал детскую колбасу, сделанную, судя по ее неестественно розовому виду, из непослушных детей.

– Наста говорит, что я толстый, – пожаловался Рузя.

– Ты не толстый. Ты жирный! – сказала ему Алиса.

Она отобрала у Рузи колбасу, съела сама, вернулась в комнату и, шепотом назвав всех придурками, уснула легким и счастливым сном.

На часах было 4:55. Целый час прошел как вдох счастья. В 5:58 принялся тонко пищать будильник Лары. Он звенел как комар в тот мерзкий момент, когда зависает над кожей. И снова у Фреды оказались самые чуткие уши и самые нежные нервы.

– Заткни его! Убью! – заорала она, бросая в Лару подушкой.

Та быстро протянула руку и начала слепо и бестолково нажимать на кнопки телефона. Комариный писк замолк, но именно в этот миг сработал будильник Алисы, безостаночно повторявший голосом Кузепыча:

– А вставать кто будет, сморкливый пень? Доярки, к коровам шагом марш!

Слова эти Алиса записала как-то утром, когда они все дружно проспали, а Кузепыч колотился в двери своим «крепко-полным туловищем» ((с) Рина). Она выключила Кузепыча, но к тому времени уже хором сработали будильники Рины и Фреды. Спать стало никак невозможно.

Рина свесила ноги с кровати. В комнате было темно. За окном синева. В снегу мерзли мокрые голые деревья.

– Первое марта! – произнесла она, радуясь, что впомнила об этом первой.

Больше никто не обрадовался.

– И что? – отозвалась Фреда. – Пулю в бошку этой весне!

Фреда обожала из всего создавать конфликты. Начинала спорить, даже если просто сказать при ней, что трава зеленая. «Ты что, цветов не различаешь? Тупой, да?! Она са-ла-то-вая!» Если неосторожно поддакнуть, что прости, она, и правда, салатовая, Фреда яростно схватывалась сама с собой. «Где ты тут видишь салатовую? Ну да, вот эта травинка салатовая! А все остальные светло-зеленые!»

С другой стороны, в ШНыре к воплям относились терпимо. «Вопли – это форма передачи искренней информации на неформальном уровне», – рассуждала Кавалерия.

Вспыхнул свет. В дверях стояла Лена, вставшая раньше всех, еще за минуту до первого будильника, и первой бросившаяся занимать душ. И вот теперь она вернулась, закутанная в банный халат. Мягкая, с большими руками и ногами, Лена была свежа и бодра. Кожа бело-розовая, пористая, как из хлебопечки.

Сквозняк, проскочивший за ней в открытую дверь, сорвал со стола Фреды все бумажки и анкеты и принялся забавляться с ними на полу.

– 6:01! – певуче сказала Лена, одаривая всех сдобной улыбкой. – Повторяю: не просто шесть, а шесть и целый ноль один!!! Что делаем?

– Тебя, курица, убивать собираемся! – завопила Фреда. – Вырубила свет, быстро! Я еще сплю!

– Когда кто-то орет – он не спит, – сказала Лена.

– Ты не спишь, а я сплю! Уши отрежу!

– О небо! Золотко! Ты проснись сначала, ножки в тапочки вставь, ножницы наточи, а там и ушками моими занимайся, – дружелюбно откликнулась Лена. – А я вчера, пока вы все орали, сумку закончила из кусочков кожи. Показать?

Фреда спрыгнула с кровати, собрала рассыпанные бумажки, сунула их под подушку и, шаркая тапками, отправилась в умывалку. Ссутуленная, сердитая, на плече болтается полотенце.

Рина незаметно разглядывала Лену. Внешне осталась такая же, как в маршрутке в свой первый шныровский день – неспешная, с лениво заплетенной косой, любящая просторные вещи и вся словно зевающая, но что-то в ней внутренне ускорилось.

Прежде, уронив, например, вилку, она долго смотрела на нее, соображая, стоит ли поднимать сейчас или подождать еще некоторое время, чтобы вместе с вилкой подобрать и какие-нибудь другие предметы, которые тоже, безусловно, рано или поздно упадут. Теперь бы Лена тоже не сразу кинулась поднимать вилку, пораскачивалась бы минут десять, но потом вместе с поднятой вилкой вымыла бы и пол.

Ночами она тоже частенько не спала и почти не уставала. Порой казалась Рине надежным телефоном с батарейкой, работающим в экономичном режиме и потому редко требующим подзарядки. Конечно, этот «телефон» слегка притормаживал, зато никогда не ошибался.

Например, Рина по шесть раз возвращалась в комнату, забывая взять то одно, то другое, то третье, Лена же брала все сразу и потому всегда была готова первой.

Минут двадцать все сосредоточенно умывались, одевались, брали разбег для прыжка в новый день. Потом Рина и Лена отправились в пегасню проведать дежурившую там Яру, которая в ШНыре не ночевала. С ее Гульденком творилось нечто непонятное. Он был угнетен, вытягивал шею, отказывался есть. То ложился, то вставал, бестолково топтался по деннику. Под челюстями – огромные горячие узлы.

Фреда, Алиса и Лара пошли в столовую на дежурство. Суповна была уже при деле. В одиночку переставляла с плиты на плиту многоведерную выварку с кипятком.

– Почему опоздали? – прохрипела она.

– Как опоздали? Мы должны были прийти в семь, а сейчас без десяти семь! – возмутилась Фреда, обожавшая точность и вообще всевозможные социальные договоренности.

– Вот и я говорю: опоздали на десять минут! Марш вытирать столы!

Фреда хотела что-то добавить, про анализ времени с учетом старческого склероза, но посмотрела на кипяток в руках у Суповны и смирным зайчиком запрыгала за тряпками.

– Она что, по часам не понимает? – бухтела Фреда, елозя тряпкой по столу.

Алиса наклонилась, сдвигая стулья. Смертные жетоны улеглись точно в солонку.

– Она понимает, что хлеб не разложен, – примиряюще сказала Алиса.

Фреда молча хлестнула тряпкой по ближайшему столу и отошла к следующему.

Очень скоро стало не до разговоров. Надо было мыть, драить, резать и разносить хлеб, расставлять посуду. Кухонные Надя и Гоша возились с чаем. Возня эта заключалась в том, что они заваривали его в том огромном котле, который переставляла Суповна, после чего зачерпывали оттуда старыми чайниками с отколотой эмалью. Вопрос, стерильные ли чайники снаружи, принципиально не задавался. Подразумевалось, что они стерилизуются в крутом кипятке, а микробы становятся питательным бульоном.

Фреде, Алисе и Ларе помогали Влад Ганич и Даня, временно поменявшийся из другой пятерки, потому что проспорил Кириллу дежурство. Правда, Даня больше помогал философией, а Ганич так переживал, что испачкает белоснежные манжеты, что соглашался разносить только вилки, причем исключительно сухие и держа их двумя пальцами.

– Ты бы, что ли, свитер надел, – сказала Алиса.

– А ты его потом стирать будешь? Или как овечка: в лужу окунулась и самоочистка? – кисло откликнулся Ганич.

Алиса презрительно выдохнула, сложив губы трубочкой.

– Ты какой-то больной! Я вообще не понимаю, что ты в ШНыре забыл!

– Я тоже не понимаю. Порой мне кажется, что меня даже из ведьмарского форта погнали бы, – внезапно сказал Ганич, и Алису – а она вообще-то ожидала от него вопля! – поразило, что в этот миг он был абсолютно серьезен.

Из кухни выглянула Суповна.

– Эй! – заорала она. – Соль надо рассыпать! Кто поможет?

Даня собрал со столов солонки и захромал к кухне. Через минуту оттуда донесся страшный вопль Суповны, и Даня вернулся очень смущенный.

– Чего такое? – спросила Лара. – Рассыпал соль?

– Еще как, – ответил Даня и пугливо оглянулся на дверь.

Ближе к восьми столовая начала быстро наполняться шнырами. Многие из них – особенно средние и старшие – с интересом поглядывали на Лару. Двое средних даже столкнулись лбами, пытаясь помочь ей донести пачку салфеток.

– Блин, спина с утра чесалась. Наверное, у меня что-то кожное! И башка вся такая грязная, иду – чухаюсь! – кокетливо и громко сказала Лара.

Фреда, тащившая два тяжеленных стула (и ей, разумеется, никто помочь не пытался), накалилась ненавистью. Запыхтела, опустила голову. Молодые люди смотрели на Лару с интересом. Их, казалось, совсем не волновало, что у Лары все подряд чешется и разваливается. Когда же однажды и Фреда, подражая Ларе, попыталась брякнуть нечто подобное, на нее все уставились как на прокаженную, а Влад Ганич брезгливо отодвинул тарелку на дальний край стола и ел потом, загораживая ее от Фреды плечом и локтем.

Из преподавателей первым явился Кузепыч, насыщавшийся всегда основательно, с осознанием полной ответственности перед организмом. Организм тоже ощущал перед хозяином ответственность и каждую съеденную крошку превращал в стратегические запасы, почему брюки на животе сходились уже не всякий раз, а ремни в магазине требовалось подбирать самые длинные. Единственным, что портило Кузепычу аппетит, была Суповна, которая, выскакивая из кухни, громила его за некупленный майонез или переморожeнные куриные окорочка. Даже за жучков в рисе, по мнению Суповны, отвечал все тот же Кузепыч, хотя он и огрызался, что, тухлый пень, не он их туда сажал. Поэтому Кузепыч всегда завтракал, обедал и ужинал, тревожно косясь на дверь кухни, и с беспокойством шевелил бровями, когда оттуда вместе с дымом и паром долетали вопли Суповны.

За Кузепычем припорхнул Вадюша, желтенький как попугайчик. Он был в короткой курточке, с каким-то пестрым шарфиком на шее. Влад Ганич, выслуживаясь, принес ему чайник.

– Это что? – зачирикал Вадюша.

– Чай.

– Как чай? Опять чай? Снова чай! Ненавижу чай! Лучший сорт чая – это кофе! – капризно заявил Вадюша.

– Хорошо, я скажу Суповне, – пообещал Ганич.

– Да-да, скажи, дружок! Будь так любезен!

Ганич метнулся к кухне.

– Нет-нет, не надо! Вернись! Я сам потом передам при случае! – торопливо зачирикал ему вслед Вадюша. Влад неохотно остановился. Он обожал раздувать ссоры.

Ближе к концу завтрака появились Кавалерия и Меркурий. Оба озабоченные. Алиса, принесшая им салфетки, ненавязчиво задержалась у стола. Она надеялась, что ее заметят – хранильница Лабиринта, как-никак. Однако Кавалерии и Меркурию было явно не до нее. Они даже глаз не подняли, смотрели только друг на друга.

Кавалерия отодвинула тарелку.

Алиса услышала, как Кавалерия негромко сказала Меркурию:

– Лучший из жеребят ШНыра! Прекрасные крылья! Негромоздкий, пропорциональный. Я очень на него надеялась! Радовалась, что Гульденок у Яры. Она-то присмотрит!

Ковшовая ладонь Меркурия – при небольшом росте у него были громадные ступни и руки – одобряюще легла на запястье Кавалерии.

– Обойдется. Болтушка из отрубей. Зеленый корм. Подогретая вода. Антибиотик. Абсцессы обкалывать антивирусом. Главное, чтобы гнойные скопления не вскрылись внутрь.

После завтрака Кавалерия и Меркурий отправились в пегасню. Младшие шныры обрадовались, сообразив, что сегодняшние занятия сорваны, но не тут-то было. Вадюша, перегородив дверь столовой, как крыльями, замахал пухлыми ручками.

– Никакой беготни по школе! Все ко мне на лекцию! Тема интереснейшая! «Философия мировой справедливости в контексте нравственных ценностей». К вам, господа якобы дежурные, это тоже относится! Нечего притворяться, что вы всемером сметаете со стола две с половиной крошки!

Четверть часа спустя Вадюша, захвативший в заложники своей болтливости едва ли не всю младшую школу (средние и старшие шныры разбежались под разными хитроумными предлогами), разгуливал вдоль доски и разглагольствовал, получая очевидное удовольствие от зву-

чания собственного голоса. Порой, убаюканный им, он закрывал глаза и делал короткую паузу, чтобы насладиться тем, как в огромной аудитории замирает отдаленное эхо. Рина сидела рядом с Сашкой и, вполуха слушая, рисовала в тетради.

«Тоска зеленая… Чем больше слушаю о нравственных ценностях, тем больше мне хочется стать безнравственной! Интересно, почему Кавалерия никогда не несет эту пургу?» – размышляла она.

Сашка подпер голову рукой и незаметно разглядывал частицы почвы, хвою, пух одуванчика, мелкие, со спичечную головку, кусочки янтаря, засушенные корни и семена травы, мелкий, многократко просеенный сквозь сито песок. Все это, особым образом уравновешенное и экранированное фольгой с тонким слоем водорослей, чтобы не сработало раньше времени, лежало в многосекционном пластиковом контейнере, похожем на те, в которых рыбаки хранят крючки и грузила.

Последний месяц Сашка только и делал, что выспрашивал у Ула, Макса, Афанасия все, что они знали о шныровском бое, выменивал траву на хвою и хвою на чешуйки коры, записывал, экспериментировал. Больше всего его возмущало, что средние и старшие шныры, за исключением, пожалуй, Родиона, в ШНыр так и не вернувшегося, относились к шныровскому бою равнодушно.

– Ну да, полезная вещь! В городе там или не знаю где. Но вообще, чудо былиин! ничего не решает! – сказал как-то Ул.

– Почему?

– Слишком много вариантов. Вот ты на пеге летишь, головой вертишь, высматриваешь гиел… У тебя с собой шнеппер, саперка, сумка, может, еще закладка – куча всякого барахла. Да еще пег чего-то мудрит. И времени десять секунд, чтобы высоту набрать или снизиться. Если будешь еще соображать, какую одуванчиковую пушинку в кого пустить или какой кусок коры – поймаешь между ушей арбалетный болт.

Недавно Сашка выпил воды из источника перед первой грядой, и кровь у него стала оранжевой. Не просто оранжевой, а такой оранжево-светящейся, даже сквозь кожу. Целые сутки экспериментатор был похож на анатомическое пособие: сияли вены, артерии – всюду, где не скрывала одежда, Сашка был оранжево-полосатым. Даже лицо выглядело полосатым, потому что и там оказалось много всяких кровеносных сосудов. И еще он весь день ржал и всем подряд зачитывался. Даже в холодном, дачного типа туалете, вырытом на улице у пегасни, он просидел три часа, но не потому, что особенно надо было, а потому что там оказалась на гвозде толстенная газета пятилетней давности. Сашка читал ее от корки до корки, учил наизусть объявления о продаже сенокосилок и сборных домиков, дико ржал и стучал зубами от холода.

– Ишь ты! – озадачился Макс, который и принес Сашке эту воду. – А я из этого и-и-источника сы… сто раз пил и н-ничего! Видать, еще чего-то в этой в-воде бы… было. Может, пы… пыль какая-то или гы… глина? Я ее гы… грязной банкой зачерпывал.

– А банку где взял?

– Ты… ты-там вы-валялось! Давно.

– А чего фляжкой своей не зачерпнул? Жалко?

– Там бы… был к-кефир, – сказал Макс, и Сашка перестал задавать вопросы. Кефир для культуриста – святое.

Неудача с водой из источника Сашку не обескуражила. Он мыслил в комплексе. Пушинка невесомости – прекрасно, а если добавить пыльцы воздушности, которую Яра по его просьбе собирала с цветов ватной палочкой? Не далее как вчера Рина, неосторожно согласившаяся взять у него конфету, взмыла к потолку, а Сашка вместо того, чтобы ее спустить, еще и гонял ее вдоль потолка электрофеном.

Рина продолжала незаметно оглядываться, проверяя, что другие делают на лекции у Вадюши.

Лена вязала под столом шарфик. Она связала Кирюше уже три шарфика и бесчисленное количество шестяных носков и не забывала следить, чтобы он их носил. Тот упрямился, дул губы, швырял шарфики в снег, но Лена сочетала терпение с напором мотопехотных колонн, и очень скоро шарфик вновь оказывался на Кирилле. В данный момент он сидел рядом с Леной и громко шептал:

– Хочешь я Вадюшу вопросом отвлеку? Он обожает рассказывать свою биографию, начиная с ясельного возраста. Как он ощутил в своем сердце дыхание добра и гуманизма и в тот же миг к нему прилетела золотая жужелица!

Дверь скрипнула и открылась. В класс заглянула Кавалерия и, отменив лекцию, позвала всех в пегасню.

– Переоденьтесь! Работать придется много! – сказала она озабоченно.

Глава 5
Сейчас прольется чья-то кровь

Между благой мыслью человека и его действиями лежит что-то враждебное, скользкое, ненавидящее нас. Какая-то программа уничтожения. Один понимает, что пить нельзя, и пьет. Другой – что не надо туда идти, и идет. И так до бесконечности. Мы как будто еще хозяева наших мыслей, но никак не действий.
Из дневника невернувшегося шныра

Перед пегасней Рина заскочила на «кухню». «Кухней» они называли закуток в аппендиксе второго этажа, где помещалась электроплита на четыре конфорки. Она была старая, но с неплохой духовкой. Суповна ненавидела эту электроплиту тихой ненавистью, поскольку та делала существование самой Суповны как бы несколько дополнительным. Много раз она покушалась избавиться от нее, и тогда младшие, средние и старшие шныры начинали подводить под все это дело базу. Кирюша вопил, что он язвенник и нуждается в теплом супчике в три часа ночи. Окса говорила про традиции своей бабушки, которая научила ее печь шарлотки, и если она не будет их печь, то ее бабушка не то, чтобы обидится, но ей, бабушке, будет несколько неприятно, а ей, Оксе, будет несколько неприятно, что бабушке будет несколько неприятно… и до бесконечности. В общем, плиту они защищали отчаянно, как солдаты обороняют последний окоп.

Оглушенная общим криком, Суповна сдавалась, но не до конца. Выждав месяц или два, начинала терзать Кузепыча, утверждая, что вот «жруть где попало, а потом тараканы ползають». Если Кузепыч оказывался равнодушен к тараканам и не падал в обморок, она организовывала подкоп с другого бока: вопила про счета за электричество и сколько тока пожирает эта самая плита, которую держат включенной с утра и до утра ради всякой «мензюрки». «Мензюркой» же Суповна считала любую посудину объемом меньше десяти литров. И вообще устроится пожар, и тогда Кузепычу придется сносить и перестраивать ШНыр еще при жизни, в то время как он так надеялся умереть до этого момента и спихнуть все суету на следующего завхоза.

В любом случае, плиту пока удавалось отстоять. В настоящий момент на ней пыхтел желтый чайник с отбитым пятном в форме яблока на боку. Около него с лицом часового на карауле стоял Витяра.

– О, кипяточек! Плесни мне! – сказала Рина, подбегая с кружкой. Банку с растворимым кофе она таскала с собой, зная, что иначе сопрут.

Витяра заступил дорогу.

– Не дам! – сказал он застенчиво, но упрямо.

Рина от удивления остановилась.

– Как это так не дашь? Ну хоть каплю! У тебя же полный чайник!

– Не дам! – повторил Витяра.

Он схватил чайник и, взглядом оберегаясь от Рины, быстро куда-то побежал.

– Ну и дела! Витяра и жмот! В голове не помещается, – произнесла Рина удивленно.

– Знаешь, что он с этой водой делает? Снег поливает! Ему весны хочется! И этой деточке восемнадцать лет! – наябедничала Фреда.

Витяра, отбежавший еще не слишком далеко, остановился и брякнул ручкой чайника. Уши-баранки вспыхнули алыми полукружьями. Рина поняла, что Фреда сказала правду, и радостно простила Витяру за чайник.

Рина спрятала банку с кофе в старый носок и сунула ее за батарею, чтобы не сперли до ее возвращения, оделась и направилась в пегасню. Погода была противная. Март мерз сам от себя. Снега лежали по грудь и лохматились ветром. Витяра стоял и, подпрыгивая от холода, поливал из чайника лед. Увидев Рину, он застенчиво повернулся к ней спиной.

– Еще два миллиарда чайников – и наступит весна! – крикнула она.

Тот упрямо дрогнул лопатками. Романтики выше науки, и поэтому наука вечно пересматривает свои положения, а романтики – нет.

На полпути к пегасне Рине попалась кухонная Надя, которая возвращалась из Копытово с десятью килограммами соли. Руки у нее отвисали. Рядом, упрятав ладони в карманы и посвистывая, шел Гоша, несший что-то не тяжелее посудных мочалок.

Увидев Рину, Надя художественно уронила сумки в снег и легла лицом в сугроб умирать.

– Кончай цирк и поднимайся! – сказал Гоша, легонько толкая ее ногой в бок.

– Ты что, болящий? Почему не помог? – набросилась на него Рина.

– Я ее тридцать раз предупредил, что у нас соли навалом. Есть соль, есть соль! Кузепыч вчера «Газель» пригнал, которая у гипера дежурит. Под завязку ее продуктами забили! Предупреждал я или нет? Не надо соль брать! Не на-до, упрямая ты баба!

Надя, успевшая оторвать от снега голову, отвернулась.

– Она не поверила. Вот я и не помог! Потому что это женский терроризм: упрямство в комплекте с якобы беззащитностью. Вот и пусть теперь прет! Вставай! – сказал Гоша безжалостно.

Надя издала тихий ненавидящий стон. Вскочила и, вырвав сумки у пытавшейся помочь Рины, устремилась к крыльцу кухни.

– Во, видела, как рванула! А ведь только что дохлая была! Сейчас будет Суповне концерт устраивать! – прошипел Гоша и бросился ее догонять.

Рина с грустью подумала, что на кухне все крайне запущено. Трудно долго находиться в одном помещении, там же и работать и любить друг друга. Траву едят гусеницы, гусениц едят куры, кур едят шныры. Линейная пищевая цепочка. Повара едят друг друга. Замкнутая пищевая цепочка.

Добравшись до пегасни, Рина обнаружила, что все пеги, включая жеребят, выгнаны наружу и находятся в загоне рядом со вкопанными шинами. Не понимая, зачем их выгнали, она вошла в пегасню и, не успев задать вопрос, услышала вопль. Орала Наста. Красная, сердитая, она неслась по проходу с вилами и разгоняла все живое.

– А-а-а! Ешкин-кошкин!! Достало гамно это! Сегодня гамно, вчера гамно, завтра – гамно! Ешечкин-кошечкин!

Вилы, перелетев через тачку с навозом и задев большой пакет с сухарями для прикорма, вонзились в брикет сена. Причем лежал брикет всего в полуметре от ступни Ула. Наста застыла, сообразив, кого только что едва не оставила без ноги.

Тот засмеялся. Короткий шрам на верхней губе приподнялся.

– Сублимируешь? Давай еще разик, под запись! – весело крикнул он.

С секунду Наста смотрела на него дикими глазами, потом ухмыльнулась, выдернула вилы из брикета и, насвистывая что-то, как ни в чем не бывало пошла по проходу. По дороге ей попался Рузя, который волок на сжигание какой-то мусор. Увидев Насту, он остановился и вытаращился на нее, спешно пытаясь притвориться смертельно больным, чтобы удостоиться внимания.

– А ты ваще сгинь, гаджет! – рявкнула на него Наста.

Толстое лицо Рузи перестало притворяться и стало действительно несчастным, без актерства. Он торопливо отвернулся и, ссутулившись, нырнул в ближайший проход. Наста умела отличить настоящее страдание от страдания фигней.

Она остановилась и поймала Рузю за рукав.

– Да постой ты! Нога-то как? Приходи сегодня – намажем еще раз!

– Он специально кипяток себе на ступню выплеснул! Я видел, как он полчаса прыгал, никак решиться не мог! – громко доложил Влад Ганич.

Рина с трудом сдержалась, чтобы его не пнуть. Она ненавидела людей, которые стучат как барабанщики и капают как краны. И, что самое непонятное, без малейшей на то внешней причины!

В Рузе все замерзло от ужаса. Он даже остановился. Наста подбежала и повернула к себе его голову. Она, как видно, этого не знала.

– Это правда? Правда? – крикнула она.

– Нет… Не знаю… да, – выдавил тот, боясь поднять глаза.

Наста еще несколько мгновений смотрела на него, потом быстро поцеловала в красный, похожий на пуговицу нос и, отпустив, с тяжелым прищуром уставилась на Ганича.

– Сам, говоришь?

– Сам.

– Отлично. На вот тебе вилы! Хорошие вилы, стерильные, почти без навоза. Воткни их себе в ногу, и я тебя полюблю, пылко и пламенно, – предложила она.

Ганич тревожно отодвинулся, не исключая, что эта бешеная идиотка пырнет его и так, без личного согласия. Причем тоже пылко и пламенно.

– Что я, больной? – испугался он.

– В том-то и проблема, что ты здоровый, – с презрением сказала Наста. – Язычок на тонких ножках!

Она резко повернулась и вышла, пройдя мимо отодвинувшейся Рины. Та заглянула к Улу и увидела, что денник тщательно выметен, а Ул стоит на коленях и ножом выскабливает пол. Рядом же ютятся два ведра и несколько обрезанных канистр из-под автомасла.

– Чего она орет? – спросила Рина.

Он перестал скрести ножом.

– Кто, Наста? Сейчас и ты заорешь! Знаешь, что такое «дезинфекция пегасни»?

– Зачем?

– У Яры же ребенок заболел мытом.

– Кто-кто? – испугалась Рина, не подозревавшая, что у Яры есть дети.

– Жеребенок!.. Же-ребенок! – терпеливо повторил Ул.

Рина успокоенно хмыкнула. Надо же! Как на поверхности иногда лежит смысл. Надо просто слушать слова.

– А где Яра?

– С Гульденком, в изоляторе. Я ей туда еду таскаю.

Изолятором называлось примыкавшее к пегасне небольшое строение на три стойла, имевшее отдельный вход и оборудованное, по шныровским меркам, неплохо: инфракрасные лампы, отопление, электрический подъемник, даже беспроводной Интернет и большой диван. Изолятор считался в ШНыре чем-то вроде курорта. Не проходило недели, чтобы кто-нибудь не попросился у Кавалерии полежать в изоляторе.

Рина брезгливо втянула носом сложный химический запах.

– Ну и вонь здесь! – сказала она.

– Угу в смысле ага! Да только это не вонь! Фигуса с два! – возразил Ул. – Это и есть запах истинной стерильности! Три ступеньки счастья! Соленая кислота, гашеная известь, потом – чудо! былиин! – хлорная известь! Есть еще и четвертая ступень эволюции.

– Какая?

– Да все такая же! Стоять! Руки за голову! Все, можешь больше не стоять! Поздняк метаться! Ты в нее только что наступила! И снова, кстати, наступила. Подобное притягивается к подобному.

Рина пугливо отскочила, ощущая, что ее джинсы заливает какая-то свежеопрокинутая дрянь.

– Что это?

– Обычный раствор формалина. Думаю, двухпроцентный, если Кузепыч не попытался сэкономить. А он может. Может, увы!

– Ка-а-к?

– Ан нет, расслабься! Формалин в другой канистре, это купорос! А что ты, позволь спросить, имеешь против формалина? Милый такой формальдегид.

– Ты не понимаешь, с кем имеешь дело. Я потомственный патологический гуманитарий. Я даже мотоцикл завожу словами: «мотоцикл, заведись!», а не ключом, – с гордостью сообщила Рина.

Водить мотоцикл ее научил Сашка, а отыскали они его в полузаброшенном гараже, где у Кузепыча пылились канистры и стояли две древние, еще с пятидесятых годов машины.

– А-а-а… Все с тобой ясно! Ну тогда прочитай стрептококкам какой-нибудь стишок, – посоветовал Ул и снова взялся за нож. Скоблить надо было еще долго.

Рина поняла, что аудиенция закончена и дальше начинается беспросветный труд. Она вздохнула, выяснила, что следует делать, и, прихватив для начала метлу с лопатой, отправилась читать стрептококкам стишки. Микробоубийственная поэзия затянулась до вечера.

Конюшню драили, скребли, очищали, обрызгивали. Даже Влад Ганич и тот трудился, не подкладая конечностей. Зная, что во всех других местах он будет сачковать, его поставили на улице у железной бочки сжигать накопившиеся по углам тряпки, гнилые потники, заплесневевшие брезентовые рукавицы и прочие следы взаимоотношений человека и пега. Некоторые тряпки были сухими, другие – раскисшими, но их уговаривали гореть керосинчиком. Работа была непыльной, но к вечеру Ганич так провонял, что даже когда просто выдыхал воздух, казалось, что он принял стакан керосина натощак и закусил тряпкой. Бедный-бедный Влад! Бедный-бедный костюмчик!

Когда Рина уставала, она, чтобы подбодрить себя, высматривала Витяру, который после неудачи организации весны силами одного отдельно взятого чайника ремонтировал у Бинта дверь денника. Молоток чаще попадал по пальцам, чем по гвоздям, однако Витяра не унывал.

Кроме него, Рина приглядывала еще и за Алисой, но уже с несколько иной целью. Всеми силами она мешала Алисе работать, переключала ее на любой незначительный труд и то и дело посылала в ШНыр за какой-нибудь ерундой. Та пожимала плечами, показывая, что уходит не сама, а оказывает товарищескую помощь, и охотно пропадала на час.

– Нет, – говорила Рина, когда она возвращалась. – Ты принесла красную мочалку с пупырышками, а надо синюю без пупырышек!

Алиса снова уходила часа на полтора. Хождение за синими мочалками ее абсолютно устраивало.

– Ты чего творишь? Она же ни фигуса не делает, – наконец озадачился Ул.

– И хорошо, что не делает! Я этого и добиваюсь, – удовлетворенно ответила Рина.

– ?!

– Алису лучше держать в безнагрузочном режиме. А то она после конюшни будет дезинфицировать весь ШНыр. И так дней пять, пока не окунет в хлорку последние очки Кавалерии, – сказала Рина.

Он не понял. Она объяснила. По ее наблюдениям, Алиса обычно долго раскочегаривалась на любой труд, ленилась, откладывала до последнего, но если уж начинала работать, то впадала в остервенение и становилась опасной для окружающих. Например, когда она двое суток подряд, вооружившись наждаком и махровым полотенцем, до блеска натирала все шныровские ложки и вилки, этого испугалась даже Суповна. Еще бы! Приходишь в четыре утра на кухню, а там сине-бледная, как мертвец, сидит Алиса и, закусив губу, надраивает вилки.

Обращаешься к ней – не слышит, начнешь оттаскивать – только хуже, еще покусает или вилкой в глаз ткнет. Нет уж, пусть носит мочалочки с пупырышками. Спокойнее будет!

Кстати, раз уж зашел разговор, посуда в ШНыре была разномастная, накопившаяся за несколько столетий. Тарелки-то, понятно, бились быстро, хотя временами попадалась и какая-нибудь желтая, невероятно тяжелая с пастухами и пастушками у серебряных озер. А вот ложки и вилки жили долго. Время их не брало. Наряду с обычными общепитовскими, одолженными из городской столовой Череповца лет тридцать назад, встречались и серебряные, с орлами.

Меркурий рассказывал, что, когда в 1812 году французы отступали, через Копытово шел обоз с награбленным в столице добром. Увяз в снегах. Тридцать французов, несколько поляков, офицер и пушчонка. Ночью сидели у костра, дрожали. Под утро к ним подлетели шныры, поговорили. Дальше французы топали налегке и в снегах больше не застревали. Пушчонку многие видели. Она стояла у хозблока. В ствол ей вечно наталкивали мусор.

– А вещи из обоза? Вернули? – спросила, помнится, Яра.

– Да оно, понимаешь. Москва большая. Поди пойми, чего откуда. Стырено. Тогда в ШНыре. Хозяйством заправлял. Михеич. Курский мужик, коренной. У него снега зимой. Не допросишься.

– Вроде Кузепыча?

– Не человек ищет место. А место. Ищет. Кого ему надо, – веско ответил Меркурий.

* * *

День тянулся, тянулся и, наконец, согласился закончиться. Около восьми, когда пегасня была вычищена и проветрена, Меркурий удовлетворенно оглядел ее и позволил завести пегов.

– Ну все, вдовы, я сердита! Обычно же весной дезинфекция! – простонала Наста, засовывая в сугроб красные, потрескавшиеся от хлорки руки. Резиновые перчатки лопнули, а от обычных автомобильных, которые Кузепыч покупал огромными экономическими паками и раздавал потом с величайшим скрипом, толку было мало.

– Уже. Весна.

– Ничего себе весна! Это еще зима!

– Уговорила. Весной. Тоже будет, – заверил ее Меркурий, после чего у многих возникло желание задушить Насту и закопать ее в снегу. Меркурий своих обещаний никогда не забывал. Это было проверено многократно.

Ученики потащились к ШНыру, окна которого светились в отдалении. Ветви деревьев то и дело пересекали прямоугольники света, и оттого казалось, что огни шевелятся. Под заметенными елками прямо в глубоком снегу лежали темные ледяные круги, казавшиеся глазами подземного чудовища. Но, увы, и здесь подлый натурализм! Это были всего лишь два подтаявших люка теплосети.

Сашка, бодрый как электровеник, устраивал засады и бросался снежками. Один попал во Фреду. Вымотанная за день, она вспылила, хлопнула ладонью по *льву* и, взметнув над головой тяжелую садовую лавку, которую в обычном состоянии едва подняли бы пять человек, погналась за Сашкой, снося молодые деревья. Тот удирал короткими перебежками, пока у Фреды не иссякла магия.

В ряд елок, посаженных в один год и потому бывших примерно одной высоты, затесалась неправильная елка-недомерок. Даня шагнул к ней и внезапно взмыл над землей, точно его сгреб лапами огромный богомол. Даня болтался головой вниз и видел мир перевернутым. Прямо под ним, как щель копилки, распахнулся глиняный рот. Страшный голос пророкотал:

– Я Горшеня – голова глиняная, пузо голодное! Я тебя съем!

– Охотится. Ишь ты. Как ветками обвязался. Изобретатель, – дружелюбно сказал Меркурий и, улыбнувшись в заиндевевшие усы, пошел к ШНыру.

– А помочь? – завопил Даня.

– Успеется. Каждый настоящий шныр. Должен сам. Выкрутиться.

Даня продолжал болтаться в воздухе. Отсюда ему хорошо был виден застрявший в горле у Горшени валенок. Те безразмерные валенки, в которых Суповна выколачивала на крыльце половики. Выбивалкой она при этом орудовала так, что выстрелы слышны были до самого Копытово. Местный лесничий решал, что приехали охотники, и раскочегаривал свой «уазик». Недавно валенки пропали, а теперь, получается, нашлись.

– Да-да, конечно! – закричал Даня, размахивая руками. – Съесть меня – прекрасная мысль, свежая и оригинальная! Да только меня… э-э… без майонеза никак нельзя! Кто меня без майонеза съест – будет умный! Ты же не хочешь быть умным? Ум – это страдания, переживания, лишние вопросы!

Горшеня захлопнул рот. Янтарные пуговицы, откидывавшиеся вместе с верхней частью горшка, встали на свое место. Теперь они подозрительно таращились на Даню.

– А не обманываешь про майонез?

– Нет, нет! – выпалил Даня и сразу пожалел об этом. Его встряхнули, да так, что все мысли в голове перевернулись.

– Зачем «нет» сказал? «Нет» сказал – соврал!

– Почему? – спохватился Даня.

– Правда поверху плывет, ложь ко дну идет. Ул сказал: приведет брата, большой будет брат, толстый – обманул. Яра сказала: дай мне накраситься, вкуснее буду – обманула. Кузепыч сказал «рога обломаю!» – неправду сказал. Где у Горшени рога? Когда человек говорит «не обманет» – всегда обманет. Скажи наоборот!

– Как наоборот?

– Сам думай! – настойчиво сказал Горшеня, и голова Дани закачалась почти над его распахнутым ртом. Ох, и огромен он был!

– Обману! – торопливо крикнул Даня. – Даю тебе нечестное неблагородное слово: обману!

Руки разжались, отпуская его. Даня, уже привыкший болтаться в воздухе и расслабивший ноги, от неожиданности сел в сугроб.

– Зачем снег долго сидишь? Простудишься! Горшеня боится быть умный. Умный – злой, умный – несчастный, умный только себя любит. Горшеня хочет быть дурак, – сказал Горшеня с прежней буратинской интонацией и легонько толкнул Даню в плечо.

Тот некоторое время стоял, озадаченно хлопая глазами, а затем, выдергивая из снега циркульные ноги, побежал догонять остальных.

Снег скрипел под ногами. Мороз щипал уши. Круглые желтые фонари лежали между веток. Один из них, ослепительно яркий, шарообразный, запутался в ветвях и казался сияющим яблоком. В снегу отпечатались борозды от саней и тут же – глубокие вмятины конских копыт, такие огромные, что могли принадлежать только Аскольду. Последнее время Аскольд поднимался в воздух все реже и все чаще использовался на работах, сделавшись чем-то вроде шныровского трактора. Кавалерии это не нравилось, и она регулярно отправляла кого-нибудь из новичков пролетать пега. Но чаще всего новички возвращались ни с чем. Оказывалось, что его уже взял Кузепыч и возит на нем секции забора.

– Аскольд – пегас! Он рожден для неба! Ты это понимаешь, завхозная твоя душонка? – возмущалась Кавалерия.

– А секции возить кто будет? – резонно отвечал Кузепыч.

Побежденная Кавалерия сердито дергала головой, косичка ее вздрагивала, как кошачий хвост, и опять рожденный для неба Аскольд целый день возил бочки, секции или арматуру.

Рядом с Риной шел пропахший керосином Ганич, и она его поддразнивала. Но осторожно, расспросами. Мерцавшие огоньки ШНыра и близость ужина размягчали обычно напряженного Влада, делали его разговорчивым.

– Ты чего вообще о жизни думаешь? Какие у тебя планы? – спросила Рина.

– Машину в кредит возьму, – мгновенно, точно план был давно составлен, откликнулся Ганич.

– А потом?

– Квартиру.

– А потом?

– Женюсь.

– Тоже в кредит? – заинтересовалась Рина. – Ой, прости! На ком? На мне?

Влад смущенно кашлянул.

– Нет. Не могу. Извини.

– Почему? Веснушек много?

– Ты бедная. У тебя ничего нет.

– А вдруг что-нибудь да есть? Мелочь какая-нибудь? – задумчиво спросила Рина.

– Ну что-нибудь у всех есть, – согласился Ганич и сострадательно посмотрел на сбитые носки ее ботинок.

Возле ШНыра их догнал запыхавшийся Сашка.

– Не получилось, – пожаловался он.

– Чего?

– С Фредой не получилось. Я хотел шныровский набор использовать, когда она за мной гналась, так даже достать его не успел. Одежду не расстергнешь, коробку не откроешь, пальцы задубели. Нет, что-то тут недоработано! Прав Ул! Надо дальше думать!

Они вернулись в ШНыр. Проходя по второму этажу, Рина заглянула за батарею. Банка с кофе исчезла, а вот носок, в который она была спрятана, остался. Кто-то натолкал в него яичной скорлупы и липкой фольги из-под плавленого сыра. Типа шутка такая. Ну что тут скажешь?

* * *

После ужина Рина выудила из-под стола здоровенную кастрюлю, из-за которой ее давно дразнили «кастрюльной тетей». Ручки были связаны длинной веревкой, что позволяло носить ее на плече как сумку.

– Ты куда? – спросил Сашка.

– К Суповне за объедками, а потом к Гавру.

– Тебя проводить?

– Проводи. Но ты же идешь с Кузепычем двери какие-то перевешивать, – напомнила Рина.

Он почесал нос. После целого дня в пегасне таскать двери совсем не улыбалось. Однако Кузепыч есть Кузепыч. Когда надо что-то перевесить, покрасить или починить, день или ночь для него не имеют никакого значения. Ночью многие вещи делать даже интереснее. Например, сверлить или колотить в ванной по трубам разводным ключом.

– Интересно, кончатся когда-нибудь эти двери? Ну пусть не сейчас, пусть через десять лет, – сказал Сашка задумчиво.

– Это навряд ли. Лучше вообще себя на это не настраивать, потому что тогда будет расслабон и эта… дегенеродеградация, – отозвалась Рина. «Дегенеродеградация» было новоделльное слово Кузепыча, подслушанное ею сегодня в пегасне.

Кухня встретила Рину дружественным воплем: «Оборзела? Закрывай двери!» и запахом пригоревшей каши. Гоша, из-за которого каша и пригорела, сидел в углу на двухметровой морозильной камере, посаженный на нее разгневанной Суповной.

– Она, между прочим, током бьется, а у меня тонкие штаны! – плаксиво жаловался он.

– Молчи! Я тоже током бьюсь! – рычала на него Суповна. – Чего, нельзя было огонь убавить? Руки бы отсохли?

– Меня здесь не было! Давайте вспомним детали! Вы послали меня за хлебом!

– Я тебя и подальше куда пошлю! Молчи, первоубитый! Сгинь с глаз моих!

На такой вариант Гоша соглашался.

– Я сгину, только вы меня снимите!

– Сиди, кому сказала!

Заметив Рину, Суповна перестала грохотать котлами и очень чему-то обрадовалась.

– А-а, кастрюля пришла! На вон, дай своему крокозябру! Хай твоя чудищща подавится! – она вздыбила какой-то чан, и в кастрюлю хлынули куриные головы, ноги и потроха. – Куды бежишь? Сюда беги! Гречку подгоревшую он ест? Это тебе от нашего Гошеньки подарочек!

И Суповна прожигающим взглядом посмотрела на морозильную камеру. У потолка что-то негодующе хрюкнуло, но от замечаний воздержалось.

– Он все ест, – торопливо сказала Рина, не давая тучам сгуститься. – Он сожрал Сашкин ватник, резиновый сапог и сумку от ноута. И канистру с маслом вылакал! Машинным.

Суповна пришла в умиление.

– И не сдох? Я ж и говорю, что чудищща! Надя, давай сюды гречку! Куды в кастрюлю валишь, безрукая – не видишь, места нет? В мешок из-под сахара вали!

Подгоревшую гречку упаковали в мешок из-под сахара, присыпали сверху картофельными очистками и морковью, вытряхнули туда же сухофрукты от обеденного компота, и навьюченная как ослик Рина потащилась к Гавру.

Сашка уже ушел перевешивать двери, и до забора ее провожали Вовчик и Окса, бывшие между собой в ссоре. Вовчик опять провинился, назначив свидание какой-то девице из Копытово, и даже ухитрился получить в глаз от предыдущего претендента на то же сокровище. Всю дорогу Окса и Вовчик устраивали друг другу проветривание отношений, используя Рину как рупор.

– Скажи этому сволочу, что я его в упор не нюхаю и впритык не слышу! – громко говорила Окса, дергая Рину за рукав.

– Сама скажи!

– Я с этим мерзавцем не разговариваю!

Рина кренилась набок, роняя в снег куриные головы.

– Она тебя… ну ты, короче, слышал, – послушно сказала она Вовчику.

– Да скажи ей, что эта копытовская выдра мне совсем не нравится! – заныл тот.

– Да-а? А на свидание ее было зачем таскать? – орала Окса, забыв, что Вовчика не слышит.

– Да мы просто разговаривали!

– Знаю я, как ты разговариваешь! Ты не умеешь!

– Она меня не пилит.

– Да-а? А я, значит, пилю? В глаза смотри!

Вовчик в глаза смотреть не стал, а вместо этого почесал нос о мешок с гречкой, который тащил перед собой двумя руками.

– Ты все равно не поймешь! Ты женщина и, как всякая женщина, ограничена узким кругом своих интересов, – убежденно произнес он.

– А у тебя что, они сильно широкие? По подворотням шландаться? Скажи-скажи ему! – завыла Окса, и вновь Рину дергали, и куриные головы, которые она едва собрала, летели в снег.

Рине это окончательно надоело. Такая помощь была хуже вредительства.

– Она тебя любит и ужасно довольна, что все так получилось, потому что у нее есть повод попереживать, – перевела Рина Вовчику.

Тот перестал чесаться о мешок и приосанился. Окса остановилась и, задохнувшись от негодования, взмахнула-всплеснула руками.

– Ты… ты… ты! Что ты несешь? Я не так все говорила!

– Какая разница, кто что говорит? Главное: что его побуждает говорить то или иное. Только на вашем месте я бы так не развлекалась. Если стеклянную вазу часто подбрасывать, пугая этим друг друга, рано или поздно она обязательно грохнется. Все! Достали вы меня! – закончила Рина и, забрав у Вовчика мешок с гречкой, перекинула его через шныровский забор. Естественно, в обратном направлении, иначе он свалился бы ей на голову.

Вовчик и Окса остались в ШНыре. Слышно было, как они скрипят снегом и переругиваются, но уже как-то вяло, без задора, как дед с бабкой, надоевшие друг другу еще до Первой мировой войны. Рина поняла, что своими замечаниями расшатала им сценарий. Хотя бы на время. Правда потом они, скорее всего, опять к нему вернутся. Человек делает не то, что знает, что должен делать, а то, что ему удобно.

Тропинка, ведущая от забора к сарайчику Гавра, была заметена. Вчерашние следы Рины казались на ней синеватыми, едва заметными островками. Стараясь ступать в них, но промахиваясь из-за неудобного мешка и кастрюли, она сделала шагов десять. Внезапно слева от нее что-то мелькнуло, Рина запоздало обернулась и, сбитая с ног, полетела в сторону от тропинки.

Ее плечи вжимали в снег тяжелые лапы, вонючий наждачный язык восторженно елозил по носу, щекам, подбородку.

– А ну вон, Гавр! Убью! Кастрюля!

Спасаясь от колючего языка, Рина перевернулась на живот и зарылась лицом в снег. По спине у нее продолжали топтаться. Широкая, как ящик, морда подсовывалась сбоку, пытаясь перевернуть ее и сделать лицо доступным для дальнейшего облизывания.

Рина метко ткнула эту упрямую морду локтем и поднялась. Гавр скакал вокруг как горный козел. Его появление она объяснила так: голодному Гавру надоело сидеть в сарае, он сбежал и сегодня целый день носился вокруг ШНыра, поджидая ее.

– Гавр! – заорала Рина. – Тебя могли увидеть, понимаешь?

Он перестал скакать и развесил уши. Рина возомнила, что ей удалось доковыряться до его совести.

– Да-да-да, дорогой мой! Пять баллов! Читай литературу! – сказала она, пародируя понятно кого. – Я сто раз говорила: сарай – это дом! Запомни: лес – это фу, а сарай – это не фу! Нельзя! Понял?

Гавр слушал ее, вывалив язык и капая в сугроб слюной. В глазах у него была такая радостная, такая зашкаливающая глупость, что Рина со вздохом замолчала. Ничего себе дрессировка гиел! Хорошо, что Гамов не слышит. Вот бы кто ржал, не переставая.

– Ты плохой! Тупой как… – она поискала дерево, чтобы по нему постучать, и, не найдя, постучала себе по лбу.

Гавр внимательно смотрел.

– Короче, мама огорчена! Мама плачет!

Тут Рина попыталась притвориться рыдающей. Иногда это срабатывало, и Гавр начинал скулить. Однако сейчас не начал, что-то его отвлекло. Рина обиделась. Что за дела? Рыдаешь-рыдаешь, и никакой, понимаешь, нравственной отдачи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.